

Консерватизм, либерализм и радикализм в России в период подготовки крестьянской реформы 1861 года

формирование в России либерализма как направления общественно-научной мысли и антикрепостнического движения, выразивших потребности перехода страны на буржуазный путь развития, происходило в конце XVIII — первой половине XIX в. В 40—50-х годах сложились, хотя еще четко и не размежевались, основные направления общественно-политической мысли: охранительно-крепостническое (консервативное), революционно-демократическое (радикальное) и либерально-буржуазное (прагматически-умеренное).

Следует признать, что в советской историографии длительное время имели место, во-первых, всемерное выдвигание на первый план радикального направления общественной мысли и освободительного движения, во-вторых, недооценка либерализма, в-третьих, преувеличение степени различий и размежевания отдельных направлений и их внутренних течений. Указанные просчеты, прежде всего в оценке революционного направления, допускались и автором настоящей статьи.

Причиной отмеченных недостатков были как общее противопоставление роли в истории революций и реформ и интересов различных классов и социальных слоев, так и недостаточный учет специфики конкретных исторических ситуаций, в которых развивалась общественная мысль и протекало освободительное движение.

В России конца XVIII — первой половины XIX в. они были направлены на поиск путей и методов, с одной стороны, сохранения и укрепления крепостнически-самодержавного строя, а с другой — на его ликвидацию. Поэтому исходным рубежом размежевания направлений общественной мысли и освободительного движения было отношение к крепостничеству. В этом плане отчетливо выделяются два лагеря идейных и общественных направлений — консервативный и либерально-радикальный. Разумеется, в каждом из них были свои существенно отличные внутренние течения. Различия между этими течениями были связаны с решением вопроса о том, как сохранить старое или как перейти от старой системы социально-экономических отношений к новой системе, т.е. каковы должны быть содержание преобразований и методы их проведения. В этой связи нельзя стирать или вовсе игнорировать различия, например, между теми консерваторами, которые стояли за сохранение крепостничества в неизменном виде, и теми, кто допускал возможность при сохранении сути этих отношений перехода к их более мягким формам. Точно так же имели место хорошо известные и раскрытые⁸ обширной литературе принципиальные различия между буржуазным либерализмом и революционным демократизмом. Но их единство в указанной первооснове приводило к совпадению позиций по ряду вопросов, что делало границы между Либерализмом и радикализмом по ряду аспектов размытыми. Были свои различия и среди либералов, и среди революционных демократов.

Указанные нерасчлененность и неоднозначность явлений исторической реальности должны учитываться исследователями при их анализе и оценке. Последние •е должны быть одномерными и прямолинейными. Это относится не только к событиям идейной жизни и общественного движения и не только к эпохе падения крепостничества. Например, представляются преувеличенными или просто

неубедительными не только упреки в адрес Герцена за либеральные колебания, но и умеренных представителей декабризма за неприятие или отход от радикальных позиций, славянофилов за сходство ряда их идей с охранительной идеологией и т.д.

Нужен корректив и в утвердившуюся оценку расстановки социальных и общественно-политических сил в эпоху отмены крепостного права. Как известно, В.И. Ленин, исходя из того, что буржуазное аграрное развитие могло протекать при ведущей роли в этом процессе либо помещичьего (буржуазно-консервативный, «прусский» путь), либо крестьянского хозяйства (буржуазно-демократический, «американский» путь), выделял в эпоху ликвидации крепостничества два лагеря борющихся социальных и общественно-политических сил — помещичье-буржуазный и крестьянско-демократический.

С позиций ретроспективного подхода (а постановка вопроса о путях буржуазной аграрной эволюции относится к началу XX в.) выделение двух указанных лагерей общественно-политических сил является правомерным. Здесь учитывается исторический результат, т.е. объективные итоги борьбы за те или иные условия и методы ликвидации крепостничества. Но ведь сами участники этой борьбы могли и не знать того, к каким историческим результатам приведет их деятельность. Ведь одним из проявлений объективного хода исторического развития является то, что результат той или иной деятельности может не совпадать с теми целями, которых стремились достигнуть ее участники. Более того, этот результат может быть таким, которого никто не ожидал и к которому никто не стремился.

Поэтому перед исследователем стоит двоякая задача при анализе и оценке общественных явлений и исторических деятелей. С одной стороны, следует исходить из учета изучаемой исторической реальности и судить о ней (в том числе и выделяя направления этой деятельности и выясняя линии размежевания общественных сил) не по тому, в какой мере современники предвидели будущее или чего они не сделали в плане последующего развития, а по тому, что они дали нового, содействующего прогрессу сравнительно со своими предшественниками и современниками. Короче говоря, историк должен прежде всего рассмотреть изучаемые явления в контексте соответствующей исторической эпохи, на уровне ее понимания современниками. Это будет реально-исторический подход.

С другой стороны, правомерен взгляд на события и лица в ретроспективно-историческом плане с учетом хода последующего исторического развития. Такой подход будет углублять понимание объективной сути изучаемых явлений. Они будут познаваться на уровне сущности более высокого порядка, и результаты подобного анализа, естественно, могут не совпадать с выводами первичного порядка. Конкретным проявлением такого несовпадения и является указанное различие в выделении направлений общественной мысли и общественного движения в эпоху отмены крепостного права.

Таким образом, необходимо единство двух подходов. Ни один из них не должен абсолютизироваться. Применительно к консерватизму, радикализму и либерализму эпохи падения крепостного права в советской историографии длительное время имела место абсолютизация одного из них. Это и вынуждает в данном случае столь подробно говорить о в общем-то хорошо известном принципе исторических исследований.

Важное значение при изучении общественно-идейных и практически-политических течений (включая и специфику размежевания консерватизма, радикализма и либерализма в период подготовки крестьянской реформы 1861 г.) имеет также, как представляется, учет еще двух теоретико-методологических моментов.

Один из них связан с необходимостью выделения в сложнейших процессах идейно-общественной жизни и социально-политической борьбы разных целевых уровней или этапов. Первый состоит в выработке совокупности идей, выражаю-

ших тот или иной взгляд а те или иные явления и проблемы общественной жизни. Этим занимается обычно очень узкий круг идеологов, теоретиков. Собственно идейная сфера общественной жизни при ее любом содержательном характере не оказывает сама по себе воздействия на общий ход исторического развития. Она лишь отражает «мыслительный» уровень общества, что, разумеется, является его важнейшей характеристикой и показателем его интеллектуального потенциала. Но этот потенциал может быть использован в том или ином прикладном аспекте, но может остаться и невостребованным.

Идеи обретают практическую значимость лишь тогда, когда они становятся основой общественного движения, т.е. тогда, когда образуется определенный круг людей, которые ставят своей задачей претворить эти идеи в жизнь и для этого в определенных организационных формах (кружки, общества, партии) ведут работу по их распространению и привлечению сторонников. Это — второй уровень или этап идейно-общественной жизни. Успех общественного движения зависит от его размаха. Оно может быть широким и узким. Это определяется социальной масштабностью и значимостью предлагаемых для реализации идей, привлекательностью в плане удовлетворения определенных социальных потребностей и интересов, наконец, ясностью поставленных задач и ожидаемых результатов. Идеи, овладевшие широкими массами людей, как известно, превращаются в материальную силу. Но при самом широком развитии общественного движения того или иного рода оно лишь выражает потребность в решении тех или иных задач, предлагает программы и методы соответствующих преобразований.

В общественном движении, как и в идейной сфере, ведущую роль играют лидеры.

Наконец, особой сферой является сама практика общественных преобразований, проводимых на основе тех или иных идей и опирающаяся на те или иные социальные и общественные силы. Здесь решающая роль принадлежит государству, и прежде всего его верховному руководству. В России с ее самодержавным строем определяющее значение имела позиция императора. В этих условиях возможности практической реализации программ преобразований, выдвигаемых теми или иными течениями общественной мысли и общественного движения, во многом зависели от того, насколько их лидерам удавалось выйти в высшие правящие сферы и на самого императора и убедить их в необходимости предлагаемых преобразований.

Короче говоря, при изучении общественной мысли и общественного движения и проводимых на их основе преобразований следует учитывать меру вклада и исторической ответственности идеологов, общественных деятелей и политиков.

Второй методологический момент касается принципов оценки идей, общественных движений и политики государства эпохи падения крепостничества в России. Чаще всего историки исходят здесь из их радикальности или последующей исторической оправданности. Что же касается того, в какой мере они адекватно учитывали суть исторической реальности, обоснованно выбирали заключенные в ней объективные альтернативные возможности и выработывали оптимальные пути и методы решения поставленных задач, то этому не уделяется должного внимания.

Безусловно, что люди сами делают свою историю. Но они не могут делать ее, как им вздумается, ибо они действуют при обстоятельствах, созданных не ими, а данных им и перешедших из прошлого. Любое историческое поколение может радикально изменить ход общественно-исторического развития. Но действовать оно может лишь на основе полученного исторического наследия. И деятельность эта будет тем эффективнее, чем адекватнее будет воспринята историческая реальность и чем в большей мере будет использовано это наследие как материальное, так и духовное. И стремление сохранить из существующего отжившее или мало-

эффективное, пусть даже путем того или иного его подновления, и отказ от всего и вся из прошлого, и попытки создать все заново — в конечном счете в той или иной мере отрицательно сказываются на общественном прогрессе и в плане задержки его темпов, и в аспекте социального размаха приносимых им благ. Высшей целью прогресса, говоря словами известного русского народника Петра Лаврова, является безостановочное совершенствование личности (а потому и общества) в физическом, умственном и нравственном отношении. Прогресс — это многообразие, это органическое сочетание всего рационального из старого и реально достижимого из нового. Все отмеченное необходимо учитывать при изучении и оценке и идей, и общественных движений, и политики.

Отмене крепостного права в России посвящена огромная отечественная и зарубежная литература¹. В ней в большей или меньшей степени освещены самые различные аспекты подготовки и проведения крестьянской реформы 1861 г., в том числе и проблемы консерватизма, радикализма и либерализма. В краткой статье нет возможности даже сжато изложить полученные исследователями результаты. Поэтому остановимся лишь на одном моменте. Он касается того, в какой мере идеологи, общественные деятели и политики (прежде всего высший эшелон власти во главе с императором) адекватно воспринимали наиболее существенные черты сложившейся исторической ситуации и находили оптимальные варианты ликвидации крепостнических отношений. Кстати, именно эти вопросы в наименьшей степени изучены исследователями.

* * *

К середине XIX в. кризис феодально-крепостнической системы в России достиг своей кульминационной стадии². Суть этого кризиса состояла в том, что возможности социально-экономического прогресса на базе крепостнических отношений были исчерпаны. Конкретно это проявлялось в застое и даже снижении уровня сельскохозяйственного производства, ухудшении состояния крестьянского и помещичьего хозяйства и положения крестьян. С другой стороны, ограничивалось и сковывалось прогрессирующее развитие народного хозяйства на основе товарного производства и буржуазных отношений. Таким образом, отчетливо проявлялась объективная социально-экономическая потребность ликвидации крепостнических отношений.

Исторической особенностью России было не только то, что в ней господствовали самые суровые формы феодальных отношений и их ликвидация задержалась сравнительно с другими странами Европы. Само по себе это стимулировало отмену крепостного права. Сложность этого процесса усугублялась наличием в аграрном строе страны ряда других специфических черт.

Важнейшее значение имело то обстоятельство, что из двух форм организации сельскохозяйственного производства в феодальную эпоху, а именно мелкого крестьянского и крупного помещичьего хозяйства, ведущая роль принадлежала хозяйству крестьянскому. В 50-х годах XIX в. на долю крестьян приходилось около четырех пятых (78,1%) всех посевов. В товарном производстве зерна роль помещиков и крестьян была примерно равной (помещики давали чуть больше). Лишь в западных районах страны (Прибалтика, Литва, Западная Белоруссия и Правобережная Украина) ведущую роль играло помещичье хозяйство. Основной причиной указанного положения было широкое распространение в России системы го-

¹ Из новейших работ она наиболее обстоятельно охарактеризована в монографии Л.Г. Захаровой «Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856—1861» (М., 1984. Введение).

² См.: Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. М., 1967. Заключение.

сударственного феодализма. Накануне отмены крепостного права государственные крестьяне составляли половину крестьянского населения. Северные и восточные окраины Европейской России и Сибирь фактически не имели крепостного помещичьего хозяйства. В итоге в России объективно-экономически мелкое крестьянское хозяйство представляло значительно более широкую основу для перехода от крепостнических к товарно-буржуазным отношениям, чем крупное помещичье хозяйство. Разумеется, это не могло остаться незамеченным для наиболее проникательных современников.

Другой существенной отличительной чертой был общинный строй деревни. Уравнительно-передельная община с круговой порукой была распространена во всех районах, кроме указанных западных. Длительность существования и важная роль общины в деревне были обусловлены, как убедительно показано в новейших работах Л.В. Милова¹, прежде всего неблагоприятными природно-климатическими условиями на большей части территории страны.

Говоря о крестьянской общине, следует иметь в виду, что ее роль не сводилась к уравнительным земельным переделам (на основе учета трудовых ресурсов семьи и качества земельных угодий), круговой поруке и общей ответственности за деяния крестьянского мира, хотя все это имело важнейшее значение. Община — это жизненный уклад деревни, это — система, проявление и влияние которой выходило далеко за пределы собственно деревни. С общинным строем было тесно связано и помещичье хозяйство, и интересы помещика, и политика государства. К сожалению, в советской историографии длительное время не уделялось должного внимания всестороннему изучению крестьянской общины, хотя досоветская историография оставила по этому сюжету большое научное наследие. Лишь в последнее время интерес к истории крестьянской общины в России значительно возрос.

Отметим в данном случае лишь один аспект, связанный с воздействием общинного строя на аграрное развитие страны, ибо он играл важную роль в процессе подготовки крестьянской реформы 1861 г. Речь идет о том, что уравнительное общинное землепользование, хотя никоим образом не создавало и не могло создать в деревне никакого социального равенства и справедливости, тем ни менее тормозило процесс расслоения крестьян вообще и особенно выделения слоя разорившихся, т.е. не имеющих собственного хозяйства крестьян. Поскольку все крестьяне имели право получить земельный надел и получали его, постольку, во-первых, существовала основополагающая возможность для ведения хозяйства. И, во-вторых, в условиях круговой поруки община была заинтересована в том, чтобы все входившие в ее состав хозяйства были способны выполнять возлагаемые на нее повинности. Основным же условием этого было наличие хозяйства. В этом были заинтересованы и помещики, и государство, получавшее ренту и другие повинности с подведомственных ему крестьян. Отсюда система разнообразных мер по предотвращению разорения обедневших крестьян. Сюда входили разного рода ссуды, отсрочки и снижение повинностей, слияние маломощных дворов, подселение обедневших крестьян в более состоятельные дворы, установление надзора и опеки и т.д. Дело доходило до обработки наделов беднейших крестьян барщиной.

Результатом всего этого было то, что слой не ведущих своего хозяйства крестьян в районах общинного землепользования был значительно меньше, чем в районах с подворным распоряжением землей. Это, в свою очередь, приводило к тому, что помещики, эксплуатировавшие крестьян на барщине, вели свое хозяйство, используя не только труд, но и инвентарь, и рабочий скот крестьян. Тем

¹ Миров Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. № 4—5.

самым у помещика не было нужды создавать собственную производственно-технологическую базу и не накапливался опыт ведения хозяйства путем эксплуатации на барщине крепостных крестьян, лишенных средств производства, что имело место в западных районах страны.

Короче говоря, общинная система была «повинна» в том, что большинство помещиков пришли к крестьянской реформе, не будучи в целом готовыми к ведению самостоятельного, отделенного от крестьянского хозяйства. Очевидно, что это, как и вообще проблема общины, не могло не оказывать воздействия на позицию и помещиков, и выражавших их интересы идеологов, общественных деятелей и политиков.

Таковы наиболее существенные моменты исторической ситуации, которые несомненно должны были сказаться в воззрениях и деятельности консерваторов, радикалов и либералов в период отмены крепостного права. Посмотрим теперь, как обстояло дело в действительности.

* * *

Прежде чем переходить к рассмотрению позиций консерваторов, радикалов и либералов в период подготовки крестьянской реформы, напомним основные этапы этой подготовки. Это позволит яснее представить расстановку и роль в этом процессе как общественных сил, так и политики государственных верхов. Непосредственным фактором, вынудившим императора и правящую бюрократию приступить к подготовке реформы, было, как известно, поражение России в Крымской войне.

3 января 1857 г. был создан по аналогии с неоднократно учреждавшимися при Николае I Секретный комитет «для обсуждения мер по устройству быта помещичьих крестьян» во главе с императором. В его состав вошли крупные сановники, в большинстве своем противники отмены крепостного права. Деятельность Комитета, в сущности, была направлена на то, чтобы похоронить вопрос о крепостном праве в бесплодных обсуждениях, как это делалось прежде.

Фактически в обход Комитета Александр II договорился с виленским генерал-губернатором Назимовым о том, чтобы дворянство подчиненных ему губерний (Виленская, Ковенская, Гродненская) выступило «с просьбой» (под угрозой введения стеснительных для помещиков инвентарных правил) о разрешении приступить к подготовке отмены крепостного права. 20 ноября 1857 г. императором был издан рескрипт Назимову, позволяющий учредить в каждой из губерний комитет для составления проектов «об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян». Это был шаг вперед, ибо ставилась задача подготовки проектов, направленных на улучшение положения крестьян, а не просто обсуждение мер по устройству быта крестьян, как в Секретном комитете.

В рескрипте излагалась программа реформы¹. Она сводилась к следующему. Крестьяне получали личную свободу. Помещикам сохранялось право собственности на землю имений. Крестьянам оставлялись одни усадьбы, которые они могли выкупить в собственность. Кроме того, помещики предоставляли в пользование крестьянам часть своих земель за выплату оброка или отбывание барщины. Помещики сохраняли всю полноту власти над крестьянами. Таким образом, программа была ориентирована не на устранение системы феодально-крепостнических отношений, а лишь на их смягчение. При этом предусматривалось, что и этот переход на более легкие формы феодальных отношений должен происходить постепенно. Намечался переходный период сроком до 12 лет.

¹ См.: Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II. Берлин, 1980. Ч. 1. С. 140—141.

Копию рескрипта Назимову разослали всем губернаторам. Тем самым правительство подталкивало дворянство к открытию комитетов в других губерниях. Соответствующие просьбы поступили из всех губерний и в 1858 г. началась их деятельность. 8 января 1858 г. Секретный комитет по выработке проектов крестьянской реформы был преобразован в Главный комитет по крестьянскому делу.

В декабре 1858 г. правительство, опасаясь возросшего недовольства крестьян и под воздействием общественного мнения, выдвинуло новую программу крестьянской реформы. По ней крестьяне получали не только личную свободу и усадьбу, но и земельный надел, который они могли выкупить в собственность при содействии правительства. В административном отношении крестьяне образуют сельские общества с выборным мирским управлением, с которым должен иметь дело помещик. Предусматривалась также регламентация срочно-обязанных отношений (т.е. переходного периода).

Итак, от программы смягчения феодально-крепостнических отношений самодержавие взяло курс на их подрыв. Главное здесь состояло в том, что личное освобождение крестьян с землей с правом выкупа ее в собственность открывало путь к утверждению крестьянского хозяйства как самостоятельной, т.е. отделенной от феодального поместья, формы общественного производства. Напомним в этой связи, что после крестьянской реформы 1861 г. право выкупа в собственность своих земельных наделов получили и государственные крестьяне (а также удельные и горнозаводские).

Для рассмотрения проектов, поступивших из губерний, и составления общего проекта крестьянской реформы были образованы Редакционные комиссии¹. Именно Редакционная комиссия разрабатывала проект на вновь выдвинутых основаниях. После его обсуждения представителями губернских комитетов, приезжавшими в Петербург, и внесения изменений окончательный проект в октябре 1860 г. был передан в Главный комитет, где обсуждался до середины января 1861 г. Затем проходило его обсуждение в Государственном совете (высший совещательный орган при императоре) и 19 февраля 1861 г. Положение и Манифест об отмене крепостного права в России были подписаны Александром II.

Такова внешняя канва подготовки реформы. Теперь о непосредственной роли в освободительном процессе идеологов, общественных деятелей и политиков.

Начнем с консервативного лагеря. Его представители не только в лице основной массы дворянства, что вполне понятно, но и большинства идеологов и чиновников, стояли на позициях сохранения всего в неизменном виде. Так, например, выражая указанную позицию, тамбовский помещик Бланк утверждал на страницах органа Вольного экономического общества, «что патриархальный семейный союз (помещиков и крестьян. — *И.К.*), бессмысленно осуждаем только эгоистами, желающими избавиться от священных обязательств, которые они имеют относительно рабочего класса (т.е. крепостных крестьян. — *И.К.*), или людьми, не имеющими поземельной собственности, или пренебрегающими ею»². А член Секретного комитета М.Н. Муравьев говорил предводителям дворянства, что вопрос об освобождении крестьян «выдумали люди, не имеющие недвижимой собственности: ученые, теоретики, поповичи»³. Подобную позицию нельзя, как это обычно делается исследователями, представлять только как узкосословный эгоизм крепостников. Здесь отражается сформулированное столетиями искреннее убеждение, составляющее важнейшую черту менталитета помещиков, в том, что именно дворянство как основа государственного строя обеспечивает нормальное

¹ Предполагалось образовать две Редакционные комиссии, но фактически работала одна, сохранившая наименование во множественном числе.

² Труды ВЭО. 1856. Т. II. С. 124.

³ Русская старина. 1881. № 2. С. 243.

функционирование и жизни деревни, и жизни всего общественного организма. Так это было на самом деле в феодальную эпоху.

Понятно, что господство указанных представителей обусловило отрицательное отношение крепостников даже к программе крестьянской реформы, предложенной рескриптами. Так, из помещиков 13 центральных губерний менее одной трети (12 590 человек из 45 811) подписали согласие на улучшение быта своих крестьян по программе рескриптов¹. Еще большее неудовлетворение вызвала программа Редакционных комиссий. В центр и на имя Александра II хлынула волна протестов, в которых, говоря словами камергера М. Безобразова, выдвигались требования «обуздать Министерство внутренних дел (которое руководило подготовкой реформы. — *И.К.*) и Редакционную комиссию в их самовольных действиях»².

В целом указанную позицию можно оценить как консервативно-реакционный утопизм, ибо ход исторического развития обуславливал неизбежность упразднения крепостничества.

Было в консервативном лагере и другое течение, представители которого вынуждены были признать неизбежность реформ. Наиболее яркой фигурой среди них был М.П. Погодин. Сын бывшего крепостного крестьянина, выкупившегося на волю, он в 30—40-х годах возглавлял кафедру русской истории в Московском университете. Это был один из наиболее ревностных защитников и проповедников теории официальной народности, провозглашавшей незыблемость феодально-крепостнического строя, основы которого усматривались в православии, самодержавии и народности. Неудачный ход Крымской войны подтолкнул Погодина к критическому взгляду на этот строй. В серии историко-политических писем, широко распространявшихся в рукописях, Погодин отмечал бедственное положение народа и подверг острой критике господствовавшую в России неурядицу в хозяйственной жизни, в управлении страной, в состоянии образования и культуры и т.д. Отвергая возможность в России революции, он опасался взрыва народного недовольства. В одном из писем он заявлял: «Мирабо для нас не страшен, но для нас страшен Емелька Пугачев, Ледрю Роллен со всеми коммунистами не найдут у нас себе приверженцев, а перед Никитой Пустосвятом разинет рот любая деревня. На сторону Мадзини не переметнется никто, а Стенька Разин лишь кликни клич! Вот где кроется наша революция, вот откуда грозят нам опасности, вот с какой стороны стена наша представляет проломы»³. Погодин призывал нового императора Александра II взять на себя освободительную миссию.

Резкой критике существовавшую систему государственного управления подверг в записке «Дума русского» (1855 г.) П.А. Валуев, крупный сановник, представитель старинного дворянского рода. Его итоговая оценка, получившая широкую известность, в том числе и в придворных кругах, была выражена словами: «Сверху блеск, внизу гниль»⁴. Все надежды на преобразования Валуев связывал с Богом и новым императором.

Ни Погодин, ни Валуев не предлагали конкретной программы по крестьянскому вопросу. Такую программу выдвинул полтавский помещик М.П. Позен, написавший несколько записок (1855—1856 гг.) Александру II. Подчеркивая недовольство крестьян крепостным правом, Позен предлагал предоставлять им личную свободу за выкуп при согласии на это помещиков. Что же касается земли,

¹ Журнал землевладельцев. 1858. Т. III. Раздел VII. С. 43.

² Семенов Н. Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. Т. II. СПб., 1889. С. 949.

³ Погодин М. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны 1853-1856 г. М., 1874. С. 174.

⁴ Русская старина. 1891. № 5. С. 354.

то крестьяне могли купить ее при согласии помещика в соответствии с ранее изданными указами о вольных хлебопашцах и обязанных крестьянах. Правительство могло содействовать этому путем выдачи крестьянам кредита¹. Следовательно, все сводилось лишь к частичным изменениям при согласии на то помещиков.

Итак, даже наиболее трезвомыслящие представители консервативного лагеря, понимавшие необходимость перемен, не шли дальше призывов к ним и допускали, прежде всего под страхом взрыва массового неповиновения крестьян, лишь частичные изменения в системе крепостнических отношений.

Основное значение подобных выступлений состояло в том, что они подталкивали правящую верхушку и прежде всего императора к каким-то практическим действиям. А такое подталкивание, и именно из консервативного лагеря, было необходимо, ибо придворные круги и Александр II в начале своего царствования не имели определенной позиции в крестьянском вопросе. Это признал в своем выступлении 30 марта 1856 г. перед московским дворянством Александр II. Он сказал: «Слухи носят, что я хочу дать свободу крестьянам; это несправедливо, — и вы можете это сказать всем направо и налево; но чувство враждебное между крестьянами и помещиками, к несчастью, существует, и от этого было уже несколько случаев неповиновения к помещикам. Я убежден, что рано или поздно мы должны к этому прийти. Я думаю, что вы одного мнения со мной, следовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу»².

В сущности, эта позиция и была выражена в программе, выдвинутой в рескриптах. Поскольку ждать больше нельзя, постольку крестьянам предоставляется личная свобода и усадьба за выкуп. Но поскольку помещики стеной стоят за сохранение старой системы хозяйствования, постольку крестьянин, как и прежде, может пользоваться землей лишь за барщину или оброк при полном сохранении власти помещика над ним.

Но существовал и набирал все большую силу и расширял свое воздействие на правящую верхушку и императора и их политику лагерь сторонников упразднения не только крепостного права, но и самой системы феодально-крепостнических отношений. Ведущую роль здесь играло либеральное направление общественной мысли и общественного движения. Его представители выразили свою позицию во множестве записок и проектов, появившихся после Крымской войны и распространявшихся в обществе и правящих кругах. Отметим наиболее видные из них.

В конце 1855 г. стала распространяться «Записка об освобождении крестьян в России» либерала-западника профессора К.Д. Кавелина, специально изучавшего крестьянский вопрос. В 1857 г. она была опубликована в издававшемся А.И. Герценом за рубежом сборнике «Голоса из России», а в 1858 г. — в «Современнике». Кавелин выступает как решительный противник крепостнических отношений. Они — «гордиев узел, к которому сводятся все наши общественные язвы»³. При этом на первый план выдвигается тормозящая роль крепостнических отношений в народном хозяйстве страны, прежде всего в сельскохозяйственном производстве. Кавелин утверждал, что «частная поземельная собственность и существование рядом с малыми и больших хозяйств суть совершенно необходимые условия процветания сельской промышленности».

Кавелин отвергал доводы противников отмены крепостного права, считавших, что именно помещичье хозяйство обеспечивает страну хлебом. Он писал, что «и теперь крестьяне крепостные и некрепостные поставляют на рынки огромные

¹ См.: Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856—1861. М., 1984. С. 29–31.

² Голос минувшего. 1916. № 5–6. С. 393.

³ Кавелин К.Д. Сочинения. Т. II. СПб., 1898. С. 34.

массы хлеба и их хлеб нередко бывает даже лучшего качества, чем помещичий»¹. Кавелин указывал, что после отмены крепостного права интересы помещиков будут обеспечены тем, что «владение значительной поземельной собственностью выступит еще более на первый план и станет главным характеристическим отличием дворянства»².

Эти принципиальные положения свидетельствуют о глубоком знании исторической реальности и понимании того, что не только крупное помещичье, но и мелкое крестьянское хозяйство, свободное от крепостнических пут, может быть эффективной формой экономического прогресса, а сам этот прогресс будет наиболее успешным при сочетании различных форм производства.

Много внимания уделял Кавелин и раскрытию социальной опасности сохранения крепостничества. Если крепостное право, указывал он, «останется в теперешнем своем виде, то несколько десятков лет позднее оно взорвет на воздух все государство»³.

Указанная оценка исторической ситуации определяла и программу отмены крепостного права. Крестьяне должны получить свободу со всем принадлежащим им имуществом и с землей, которой они пользовались. Помещик получает вознаграждение за землю и личность крестьянина, ибо крепостные — такая же их собственность, как и земля.

Крепостные отношения должны быть отменены путем постепенных реформ сверху, ибо «мирные ...успехи везде вернее и прочнее развития сомнительным и тяжким путем переворотов и смертельных опытов»⁴.

Кавелин выступал прежде всего как теоретик. Но аналогичные позиции занимали и известные либералы, которые были и крупными помещиками. Так, славянофил А.И. Кошелев, еще в 40-х годах доказывавший необходимость отмены крепостного права, в середине 50-х годов составил записку «О необходимости уничтожения крепостного состояния в России». Эта необходимость усматривалась прежде всего в том, что крепостной труд является препятствием к усовершенствованию сельского хозяйства и развитию промышленности. Далее, подчеркивая растущее недовольство крестьян, Кошелев писал: «Боже сохрани, если явится какой-нибудь Пугачев: кровь польется рекою; не только люди более образованные, но и само правительство не будет в состоянии себя защитить ни войсками, ни крепостями»⁵.

Кошелев выступал за немедленное и повсеместное освобождение крестьян с принадлежащими им наделами, «ибо лишение крестьян постоянной оседлости породило бы у нас такой пролетариат, какого не представляет даже Европа». Кроме того, крестьяне не примут освобождение без земли. Помещики получают выкуп или за землю, или за повинности⁶. Освобождение крестьян происходит путем добровольных соглашений помещиков и крестьян, но «при побуждении со стороны правительства, под его надзором и под угрозой провести освобождение правительственным порядком»⁷. Здесь следует отметить призыв к правительству проявить твердость.

Другой славянофил, Ю.Ф. Самарин, выражая интересы помещиков степной полосы, где господствовала барщина, в славянофильском журнале «Сельское благоустройство», издававшемся А.И. Кошелевым, не выступая прямо против рес-

¹ Кавелин К.Д. Сочинения. Т. II. С. 28-29.

² Там же. С. 126.

³ Там же. С. 54.

⁴ Там же.

⁵ Кошелев А.И. Записки. Берлин, 1884. Приложение. С. 91.

⁶ Там же. С. 95—97.

⁷ Там же. С. 27-28.

криптов, доказывал необходимость предоставления крестьянам всей земли, которой они пользовались. Однако он решительно выступал против немедленного и полного освобождения крестьян и отстаивал установление переходного периода, в течение которого крестьяне будут отбывать барщину. Это определялось, по его мнению, невозможностью при отсутствии значительного рынка наемной рабочей силы быстрой перестройки помещичьих хозяйств на буржуазный лад¹.

Предводитель дворянства Тверской губернии А.М. Унковский в декабре 1857 г. в записке на имя Александра II отразил интересы помещиков нечерноземных, промышленных губерний. Он критиковал программу рескриптов за ее умеренность и постепенность освобождения крестьян с длительным переходным периодом. Это, по его мнению, затормозит переход помещичьих хозяйств к новой системе производства. Унковский предлагал одновременное освобождение крестьян с землей за выкуп земли и личности. Размер надела определяется добровольными соглашениями, но правительство должно установить величину наименьшего надела и наибольшего размера выкупа за нее. Выкуп же личности крестьянина должен быть возложен на все сословия².

Таким образом, либералы вместо программы постепенного личного освобождения крестьян и сохранения их земельной зависимости от помещиков и феодальных повинностей за нее предлагали ликвидацию крепостнической системы. Главным здесь было отделение крестьянского хозяйства от помещичьего и превращение крестьян в свободных и самостоятельных мелких производителей. Помещики же, оставаясь крупными земельными собственниками, должны были вести свое хозяйство на основе наемного труда. Это был реалистический подход, учитывавший сущность фактической исторической ситуации и возможности последующего развития.

В сфере политической либералы, как и консерваторы, оставались верными сторонниками самодержавного строя. Так, видный либерал Б.Н. Чичерин, характеризуя программу либералов, писал: «Под словом преобразования мы отнюдь не разумеем ограничения верховной власти: безумно прибавлять к существующей неурядице безурядицу представительную, не конституционные сделки нам нужны, а самодержавные реформы»³.

Верхом радикализма либералов здесь были требования, изложенные в адресе Александру II, пяти делегатов, приезжавших в Петербург для обсуждения проекта реформы, составленного Редакционными комиссиями. Они предлагали: образовать путем выборов хозяйственно-распорядительное управление, общее для всех сословий; учредить независимую судебную власть, т.е. суд присяжных, с подчинением местных должностных лиц непосредственной ответственности перед судом; дозволить обществу путем печати доводить до сведения верховной власти недостатки и злоупотребления местного управления⁴.

Эти положения в основном были реализованы в земской, судебной и других реформах, проведенных после отмены в 1861 г. крепостного права.

Таковы были пожелания либеральных кругов, представленных почти исключительно дворянами, выражавшими интересы помещиков, заинтересованных в буржуазной перестройке своих хозяйств. Роль формирующегося класса торгово-промышленной буржуазии в решении вопроса о крепостном праве была незначительной в силу его немногочисленности и идейно-общественной неорганизованности. В этом была одна из особенностей России сравнительно с Западной Европой.

¹ Самарин Ю.Ф. Сочинения. Т. III. М., 1885. С. 19 и сл., 32 и след.

² Джаншиев Г.А. М. Унковский и освобождение крестьян. М., 1894. С. 63—64.

³ Голоса из России. Вып. IV. 1858. С. 145—146.

⁴ Материалы для истории упразднения крепостного состояния... Ч. II. С. 174—175.

Теперь кратко о том, как разворачивалось движение за «внедрение» либеральной программы отмены крепостного права в политику правительства, ибо в конечном счете, как известно, крестьянская реформа 1861 г. была проведена в основе своей по этой программе. Наиболее обстоятельно связанные с этим вопросы освещены в работе Л.Г. Захаровой¹.

Основная борьба за воздействие на правительство и прежде всего на Александра II, охватившая период с конца 1857 г. и до осени 1858 г., велась между либералами и консерваторами, хотя в ней, как увидим далее, принимали участие и радикалы. Деятельность либералов концентрировалась, с одной стороны, в губернских комитетах, занимавшихся подготовкой проектов реформы, а с другой — в Министерстве внутренних дел.

В губернских комитетах большинство членов составляли консерваторы. Лишь в Тверской губернии либералы имели большинство. Но в итоге бурных обсуждений, порой принимавших характер острых конфликтов, в разрешение которых вынуждено было вмешиваться правительство, в десяти комитетах было составлено по два проекта реформы — консерваторами и либералами.

Таким образом, либеральное движение приобрело определенный практический размах. Это создавало опору для либерально настроенных деятелей в среде правительственных чиновников. Усилия последних сосредоточивались в Министерстве внутренних дел, куда за поддержкой обращались и либералы с мест.

На либеральных позициях в целом стоял сам министр — С.С. Ланской. Он привлек для работы в министерстве либерально настроенных крупных чиновников — Н.А. Милютина, Я.А. Соловьева, А.Г. Тройницкого. П.И. Мельникова (Печерского) и др. Наиболее активным из них был Милютин. Однако положение министра было сложным, ибо в течение первой половины 1858 г. в центре верхов брали консерваторы. Был даже момент, когда Ланской, высказавшийся против предложения о повсеместном учреждении генерал-губернаторств и получивший замечание от царя, собирался уйти в отставку.

Однако к осени 1858 г. события развернулись таким образом, что позиция Александра II и правительства в вопросе крестьянской реформы радикально изменилась. Как уже указывалось, главным в условиях отмены крепостного права был вопрос о земле, а именно — остается ли вся земля в собственности помещиков и крестьяне получают ее в пользование за повинности или крестьяне освобождаются с землей с правом выкупа ее в собственность. От первого подхода, провозглашенного в программе рескриптов и отстаиваемого консерваторами и подавляющим большинством помещиков, произошел переход ко второму — освобождению крестьян с землей с правом выкупа ее в собственность.

Было несколько причин такого поворота. Главное состояло в том, что приближалось к переделу социальное и общественно-политическое напряжение, царившее в стране в обстановке начавшейся подготовки крестьянской реформы. Все яснее обнаруживалось, что и «низы не хотят» жить по-старому, и «верхи не могут управлять» по-старому. Прежде всего росло напряжение в деревне. Это подчеркнул в конце 1858 г. шеф жандармов². Здесь особенно сильные впечатления произвели волнения крестьян в Эстляндии (апрель—июнь 1858 г.) в ответ на введе-

¹ Захарова Л. Г. Указ. соч. Гл. III.

² Так, в отчете за 1858 г., характеризуя положение в деревне, он писал: «Здесь я обязуюсь выразить уверенность, что в конце текущего года объявление, хотя в главных чертах, положительных оснований правительства для улучшения положения помещичьих крестьян необходимо... Терпению при ожидании есть предел, следовательно окончанием означенных работ долго медлить невозможно» (Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М., 1954. С. 102).

ние в 1856 г. положения о крестьянах¹. Расследовавший причины волнений генерал-майор из свиты Александра II Н.В. Исаков в записке на его имя подчеркивал, что они коренятся в нерешенности земельного вопроса. Личное освобождение крестьян без земли «не умеряет зла, но, напротив, усиливает его», а положение 1856 г. «не вразумит крестьян, потому что не затрагивает по существу главного вопроса — земельного»². Жизнь развеяла иллюзию о достаточности лишь личного освобождения крестьян. Это укрепляло позиции либералов и умеряло неуступчивость консерваторов и подталкивало правительство и Александра II к более решительным действиям.

Сыграла определенную роль в плане ознакомления с положением дел и поездка Александра II по стране с 10 августа по 20 сентября 1858 г., во время которой он посетил 10 центральных и западных губерний.

Усиливалось воздействие на императора либеральных кругов, выходявших из него с записками и предложениями, и прежде всего близких к нему людей из царской семьи и личного окружения. Из числа последних особое влияние на Александра II оказывали брат, великий князь Константин Николаевич, поддержавший либералов, и ближайший личный друг — генерал-адъютант Я.И. Ростовцев.

Не прошли бесследно и призывы ко всеобъемлющему решению крестьянского вопроса, исходившие из среды радикально настроенных представителей общественной мысли и освободительного движения.

Лидерами революционно-демократического направления в период подготовки и отмены крепостного права были А.И. Герцен и Н.Г. Чернышевский. Об их взглядах и общественной деятельности, как, впрочем, и других революционных демократов, написано множество исследований. Поэтому коснемся лишь наиболее принципиальных вопросов, связанных с оценкой их позиции в проблеме ликвидации крепостного права. Здесь доминируют два подхода. Первый выражается в стремлении принизить их радикализм, демократизм и революционность, ввести их в русло либерализма. Этот подход характерен для русской досоветской и западной историографии. Второй состоит во всемерном подчеркивании и даже абсолютизации их демократизма и революционности. Он был присущ советской историографии. Всякие отступления от радикализма трактовались, вслед за В.И. Лениным, лишь как либеральные колебания, которые не определяли общей позиции и изживались. При этом упускалось из виду, что Ленин оценивал Герцена и Чернышевского прежде всего как политик, а не как ученый, что, естественно, сузало подход в этой оценке.

В целом оба указанных подхода являются одномерными и потому ограниченными. Необходимо конкретное выявление в воззрениях и деятельности и Герцена, и Чернышевского, и всех других демократов и революционеров соотношения утопизма, реализма и экстремизма. Тогда не будет нужды в абсолютизации их позиций.

Хорошо известно, что русские революционеры-демократы 40—60-х годов (как, впрочем, и позднее) были социалистами-утопистами. Герцен был основоположником особой модели социализма для России, «русского крестьянского социализма». Ошибочно полагая, что революция на Западе будет революцией социалистической, Герцен из поражения революции 1848 г. сделал вывод об отсутствии на Западе сил, способных совершить социалистический переворот, потерял веру в

¹ См.: Какх Ю.Ю. Эстония в общероссийской революционной ситуации конца 1850-х — начала 1860-х годов // Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1965.

² Захарова Л.Г. Указ. соч. С. 120—121.

революционные возможности европейского пролетариата. Сравнивая Россию с Западом, он пришел к выводу о том, что Россия может прийти к социализму, минуя путь Запада, т.е. путь капитализма. Залог этого он видел в праве каждого на землю, в общинном владении ею и в мирском самоуправлении. «На этих началах, — писал он, — и **только на них** может развиваться будущая Русь»¹. Как отмечал Ленин, в этом учении не было ни грамма социализма². Это была чистейшая утопия. Она была присуща и Чернышевскому, и другим радикалам.

Утопичной была и вера в возможность крестьянской революции. И не только социалистической, но и буржуазной. Крестьянство, как хорошо известно, само по себе было способно лишь на стихийные, политически бессознательные бунты, а социального слоя (класса), способного возглавить борьбу крестьянства и придать ей политический характер, в России XIX в. не было. Это понимали и сами радикалы. Что же им оставалось делать в условиях начавшейся подготовки отмены крепостного права? Выхода было два: либо подталкивать крестьян к разрушительному бунту, т.е. занять экстремистские позиции, либо добиваться наиболее благоприятных для крестьян условий ликвидации крепостничества, призывая к этому либералов, правящие верхи и императора, т.е. стать на путь исторического реализма.

И Герцен, и Чернышевский, и другие радикалы были достаточно глубокими мыслителями, трезвыми и ответственными деятелями, чтобы стать на этот путь. Поэтому Герцен, отвечая на письмо в «Колокол», автор которого призывал звать Русь к топору, писал, что «к топору, к этому *ultimo ratio* притесненных, мы звать не будем — до тех пор, пока останется хоть одна разумная надежда на развязку без топора»³. Признавал допустимость реформ и более радикально настроенный Чернышевский. При этом он справедливо подчеркивал, что «значительные реформы могут быть проводимы только настоятельным требованием публики, только серьезный гнев ее может побеждать сопротивление враждебных общественному благу интересов»⁴.

На преодоление сопротивления противников ликвидации крепостничества и были направлены основные усилия Герцена, Чернышевского и других радикалов в период подготовки крестьянской реформы. Как социалисты они были сторонниками общественной формы собственности. В работе «О поземельной собственности» (1857 г.) Чернышевский писал: «Та форма поземельной собственности есть лучшая для успехов сельского хозяйства, которая соединяет собственника, хозяина и работника в одном лице. Государственная собственность с общинным владением из всех форм собственности наиболее подходит к этому идеалу»⁵. Но это был идеал. Практически же радикалы добивались освобождения крестьянства с землей. В «Современнике» в начале 1858 г. Чернышевский писал, что «основным принципом своих желаний по делу освобождения крепостных крестьян мы должны принять то, чтобы они не остались без земли»⁶. Герцен полагал, что «мужик хочет себе лишь мирскую землю, лишь ту, которую он оросил потом лица своего, которую приобрел святым **правом работы**, больше он не требует»⁷.

Указанные требования совпадали с позициями либералов. Но представляется неправомерным трактовать это совпадение как колебания Герцена, Чернышев-

¹ Герцен А.И. Поли. собр. соч. и писем / Под ред. М.К. Лемке. Т. X. С. 120.

² Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 18. С. 11.

³ Колокол. Лист 64. 1 марта 1860 г. С. 531.

⁴ Чернышевский Н.Г. Поли. собр. соч. Изд. 1939-1952 гг. Т. VIII. С. 72.

⁵ Там же. Т. IV. С. 434.

⁶ Там же. Т. V. С. 91-92.

⁷ Герцен А.И. Поли. собр. соч. и писем. Т. VIII. С. 150.

ского и др. в сторону либерализма и усматривать в этом заблуждение или непоследовательность их позиций в крестьянском вопросе. Это был трезвый реализм, основанный на адекватном учете конкретной исторической ситуации.

Неправомерно и их отождествление с либералами. Для последних освобождение крестьян с землей было максимумом их устремлений, а для первых — минимумом конструктивного решения вопроса о крепостничестве. Не следует забывать и того, что сами либералы эпохи падения крепостничества были далеки от причисления радикалов к своему направлению. В 1856 г. Кавелин и Чичерин, обращаясь к Герцену, писали: «Вы удивляетесь, отчего Вам не шлют статей из России, но как же Вы не понимаете, что нам чуждо водруженное вами знамя»¹. В 1858 г. Чичерин писал: «Вы открываете страницы своего журнала безумным воззваниям к дикой силе; вы сами, стоя на том берегу, с спокойной и презрительной иронией указываете нам на палку и на топор, как на поэтические капризы, которым даже мешать неучтиво»².

Либералы и радикалы были едины в главном: в необходимости ликвидации крепостнических отношений, в освобождении крестьян с землей, в превращении их в свободных, самостоятельных мелких хозяйств. В этом плане они представляли один антикрепостнический лагерь. И здесь борьба радикалов против крепостников и их воздействие на правительственные круги, безусловно, имели немаловажное значение. Особенно велика была в этом роль «Колокола» как бесцензурного органа. За его публикациями внимательно следили высшие чиновники и сам император³.

Но либералы и радикалы были существенно отличными направлениями в антикрепостническом лагере. Они выражали различные социально-классовые интересы и преследовали различные конечные цели. Первые отстаивали интересы стремящихся к перестройке своих хозяйств помещиков и торгово-промышленной буржуазии, а вторые — крестьянства. Идеалом первых были проводимые самодержавием постепенные реформы, а вторых — народная революция, упраздняющая и крепостничество, и самодержавие.

Эти принципиальные расхождения особенно отчетливо проявлялись в реакции на конечные условия отмены крепостного права. Либералы торжествовали и восхваляли реформу, а демократы осуждали ее грабительские по отношению к крестьянам условия и сохранение власти помещиков над деревней. Это и было причиной того экстремизма, который проявлялся в это время у радикалов. Так, Герцен и Огарев развивали идею военно-крестьянского восстания, где решающая роль отводилась войскам, которым должен был содействовать народ⁴. Чернышевский в романе «Пролог», характеризуя реформу, говорил устами главного героя: «Вопрос поставлен так, что я не нахожу причин горячиться даже из-за того, будут или не будут освобождены крестьяне; тем меньше из-за того, кто станет освобождать их, либералы или помещики. По-моему, все равно. Или помещики даже лучше»⁵. Лучше потому, что крестьяне скорее поймут учиненный над ними грабеж и поднимутся на организованную борьбу. И то, и другое было утопией, но утопией экстремистской, в отличие от утопии идейной, которой являлась наивная вера в возможность перехода к социализму.

¹ Голоса из России. Вып. 1. 1856. С. 35.

² Герцен А.И. Поли. собр. соч. и писем. Т. IX. С. 411—412.

³ См.: Эйдельман Н.Я. Герцен против самодержавия. М., 1973.

⁴ См.: Литературное наследство. Т. 61. 1953. С. 501 и др.

⁵ Чернышевский Н.Г. Поли. собр. соч. Т. XIII. С. 188.

Так воздействие целой совокупности факторов привело к выработке и принятию новой программы крестьянской реформы. Ее суть была раскрыта в принятом 4 декабря 1858 г. Высочайшем повелении. Главное сводилось к тому, чтобы, освободив крестьян с землей с правом выкупа ее в собственность, содействовать «всеми возможными мерами к ограждению большого сельского хозяйства, но без стеснения личной свободы крестьян и без нарушения тех прав, кои будут им дарованы, оказывая всемерно покровительство устройству и мелких хозяйств, дабы сохранить нашу земледельческую промышленность и устранить всякие опасения в доставке хлеба, нужного для продовольствия войска и городов и поддерживать нашу хлебную торговлю с иностранными государствами»¹. Идеи наиболее последовательных сторонников устранения крепостничества из среды либералов стали основами политики самодержавия в аграрном вопросе. Однако предстояла еще большая работа по подготовке положений о конкретных условиях и механизме проведения реформы и новом устройстве деревни. На местах этим занимались губернские комитеты. В социальном циркуляре им предписывалось объяснить, «в чем именно будет состоять предложенное ими улучшение настоящего состояния помещичьих крестьян в отношении как личных прав, так и хозяйственного их быта». В целом дело необходимо вести так, чтобы крестьянин ощутил немедленно улучшение своего положения, помещик немедленно успокоился, а сильная власть на местах не колебалась².

В центре выработки общего проекта реформы учреждался, как указывалось, особый орган — Редакционные комиссии. Это был, как единодушно признавали современники и историки, нетрадиционный орган. Он был подотчетен только императору. Возглавлял Комиссии по указанию Александра II Ростовцев, ставший осенью 1858 г. на последовательные позиции освобождения крестьян с землей. Редакционные комиссии состояли из представителей правительственных учреждений и независимых экспертов (помещиков, ученых, общественных деятелей). Большинство из них были убежденными сторонниками освобождения крестьян с землей. Ведущая роль в Комиссиях принадлежала либеральным чиновникам во главе с Н.А. Милютиным. Важную роль играл знаменитый впоследствии ученый П.П. Семенов (Тян-Шанский). Из экспертов наиболее активны были Ю.Ф. Самарин и В.А. Черкасский. Отличительной чертой работы Комиссий было стремление и умение ее либеральных членов достичь договоренности по спорным вопросам. Этому содействовало единство в принципиальных подходах и атмосфера ответственности, деловитости и доверия. Это был сплоченный круг единомышленников и профессионалов высокого ранга. Поэтому неудивительно, что когда на прощальный обед, устроенный либералами в связи с закрытием Комиссий, не смог явиться один из либеральных членов, то он прислал письмо, которое начиналось словами: «Друзья и товарищи».

Еще одной чертой в работе Комиссий отличавшей их от других бюрократических органов самодержавия, была широкая для того времени гласность. Труды Комиссий в количестве 3 тыс. экземпляров распространялись среди чиновников в центре и рассылались в губернии.

В данном случае нет необходимости рассматривать содержание подготовленных Комиссиями конкретных положений об отмене крепостного права и меха-

¹ Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу. Т. 1. СПб., 1915. С. 298–299.

² Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян, вышедших из крепостной зависимости. Т. 1. СПб., 1861. С. 206–207. См. подробнее: Захарова Л.Г. Указ. соч. С. 124–126.

низма их реализации. Заметим лишь, что в главном вопросе — о размерах выделяемых крестьянам наделов — Комиссии ориентировались на размеры, близкие к существовавшим. Они более чем вдвое превышали то, что предлагали губернские комитеты.

В важном вопросе об общине, несмотря на то что либеральные члены Комиссий, за исключением Самарина, были сторонниками личной, а не общинной земельной собственности, за основу был принят «существующий факт» и исключалась предписанная сверху ломка общины. При этом преследовались не просто прагматические, прежде всего фискальные, цели. В общине усматривался, как указывает П.П. Семенов, «самый твердый оплот против последних усилий помещиков сохранить за собой прежнюю власть над крепкими земле крестьянами»¹. Община, таким образом, представлялась как форма социальной самозащиты крестьян. Предполагалось, что со временем община изживет себя.

Социалисты-утописты, как известно, отстаивали общину и как основу для организации в будущем коллективного производства. Но против этого выступали либералы².

За общину стояли консерваторы и правительство, но именно как орган, через который на основе круговой поруки можно обеспечить выполнение повинностей и управление деревней.

* * *

Детально разработанные Редакционными комиссиями положения крестьянской реформы поступили для обсуждения сначала в Главный комитет по крестьянскому делу, а затем в Государственный совет. Здесь господствовали консерваторы, заботившиеся прежде всего о помещиках. Поэтому в проект Комиссий были внесены поправки в пользу помещиков (прежде всего сокращены наделы и увеличены повинности). Но главное, чего добивались как максимума либералы и как минимума радикалы и на что пошло правительство и Александр II, сохранилось. Крестьяне получили личную свободу с землей с правом ее выкупа в собственность при финансовой поддержке правительства.

В целом реформа была компромиссом, исходившим из исторической реальности. В этом проявилась мудрость реформаторов.

Они сумели понять, что в России невозможно безземельное освобождение крестьян и тем самым отказ от превращения их в свободных и самостоятельных мелких производителей. И причиной этого было понимание не только того, что крестьяне не примут безземельное освобождение, но и того, что нельзя успешно развивать народное хозяйство страны, лишая ведущую форму сельскохозяйственного производства — мелкое крестьянское хозяйство — основ самостоятельного, независимого от помещиков социально-экономического прогресса.

Но идя на уступки объективной необходимости и учитывая практически-историческую целесообразность, самодержавие стремилось всемерно соблюсти и интересы помещиков. Александр II, открывая заседание Государственного совета и характеризуя проект реформы, имел все основания сказать: «... Вы убедитесь, что все, что можно было сделать для выгод помещиков, сделано...»³.

¹ Захарова Л.Г. Указ. соч. С. 158.

² Так, например, Кошелев писал: «Г.Чернышевский защищает мирское пользование или владение землею — и в этом мы с ним вполне согласны, но Чернышевский смотрит на нынешнюю нашу общину как ступень к другой, где явится общинный труд со всеми принадлежностями; туда за г.Чернышевским мы следовать не расположены». (Русская беседа. 1857. Т. IV. Кн. 8. «Критика». С. 170.)

³ Журналы и мемории общего собрания Государственного совета по крепостному делу. Пг., 1915. С. 4.

Открыв путь для последующего, буржуазного по своей сути, прогресса, крестьянская реформа вместе с тем не обеспечивала не только равных возможностей, но даже и прав для развития помещичьего и крестьянского хозяйств. Прогресс последнего, несмотря на то, что именно оно являлось основной формой сельскохозяйственного производства, ограничивался и неблагоприятными условиями отмены крепостного права, и сохранением сословного и феодального неравенства. Но в истории ничто не остается бесследным. В начале XX в., когда были исчерпаны возможности прогрессирующего развития, созданные крестьянской и другими реформами, в стране разразился острейший социально-экономический и общественно-политический кризис, приведший к трем революциям.

Столыпинская аграрная реформа (Мифы и реальность)

Современная эпоха характеризуется бурным ростом интереса к историческому прошлому нашей страны, особенно в XX в., в новейший период ее истории.

Широкий интерес к познанию прошлого, стремление как можно больше и быстрее узнать о его «белых пятнах» и «всю правду» истории оказывают воздействие на историко-познавательный процесс. Этот процесс характеризуется в настоящее время, во-первых, особым смыслом в тех событиях, в которых заключены истоки современных недостатков и искажений в развитии советского общества. Во-вторых, все больше внимания уделяется выявлению в прошлом альтернативных возможностей развития, реализация которых привела бы к иному ходу и результату этого развития. Наконец, в-третьих, в условиях, когда выдвигаются новые цели, современники, как писал В.О. Ключевский, «ищут и исторического оправдания этим интересам и практических указаний на средства к достижению этой цели»¹.

В указанной связи одним из явлений в истории нашей страны, которое вызвало в последнее время много споров, оказалась столыпинская аграрная реформа. Советские историки уделяют значительное внимание ее изучению². История этого изучения заслуживает специального историографического анализа. Поэтому отметим здесь лишь некоторые моменты, обусловившие выбор круга вопросов, рассматриваемых в настоящей статье.

При освещении советскими историками столыпинской аграрной реформы акцентировалось внимание на раскрытие ее консервативности и ограниченности, антикрестьянской направленности и помещичьей самодержавной сущности. Отмечалось, что реформа ускорила развитие капитализма в помещичьем и крестьянском хозяйстве, но не привела к завершению буржуазных аграрных преобразований. Соответствующие выводы основываются на анализе значительного конкретно-исторического материала. Однако целый ряд аспектов в истории реформы не получил надлежащего и обоснованного освещения.

Во-первых, чаще всего столыпинская реформа рассматривается как таковая, без учета того, что в России буржуазное аграрное развитие шло двумя путями — буржуазно-помещичьим и буржуазно-крестьянским, и реформа, направленная на утверждение первого из этих путей, была вслед за революцией 1905—1907 гг. кульминационным моментом в борьбе за утверждение того или иного из них.

Во-вторых, при показе ускоряющего воздействия реформы на развитие сельскохозяйственного производства и социальные процессы в деревне, не раскрыва-

¹ Ключевский В.О. Собр. соч. Т. VII. М., 1969. С. 380.

² Из монографических исследований отметим следующие работы: Першин П.Н. Участковое землепользование в России. М., 1922; Батурицкий Д.А. Аграрная политика царского правительства и Крестьянский поземельный банк. М., 1925; Карпов Н. Аграрная политика Столыпина. Л., 1925; Литвинов И. Столыпинщина. Харьков, 1931; Ефремов П.Н. Столыпинская аграрная политика. М., 1941; Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963; Липинский Л.П. Столыпинская аграрная реформа в Белоруссии. Минск, 1978; Герасименко Г.А. Борьба крестьян против столыпинской аграрной политики. Саратов, 1985, и др.

ется тот конкретный вклад, который вносила в это развитие реформа, ибо прогресс в аграрной сфере имел место и помимо нее.

В-третьих, нельзя признать достаточно полно раскрытыми все причины провала реформы, в частности те объективные факторы в истории аграрного развития, которые вообще исключали возможность торжества «стольпинского варианта», а те основные причины, которые анализируются, сводятся к тому, что реформаторам мешали и им не хватило мирного времени!

В итоге остаются нераскрытыми те глубинные противоречия в аграрном развитии, которые обуславливали необходимость Октябрьской социалистической революции.

Представляется, что в силу указанных пробелов в научном изучении реформы и в результате поверхностного подхода к ее освещению неспециалистами в массовой печати, и получила в настоящее время широкое распространение трактовка «стольпинского пути» чуть ли не как образца аграрного развития, который, якобы, должен быть учтен, даже воспроизведен в современной перестройке аграрных отношений в советской деревне. Имеет место не только игнорирование исторического подхода и достоверных фактов, но и конъюнктурная фальсификация важного исторического события, что нашло отражение в выступлении нынешнего премьер-министра российского правительства И.С. Силаева на Внеочередном съезде народных депутатов РСФСР¹.

Цель настоящей статьи, во-первых, сводится к выявлению соотношений двух путей буржуазной аграрной эволюции, к показу места и роли в сельскохозяйственном производстве и аграрных отношениях помещичьего и крестьянского хозяйства как основы этих путей. Во-вторых, предпринимается попытка рассмотреть конкретные изменения, которые произошли в период стольпинской аграрной реформы в экономике и социальных отношениях в деревне и которые показывают и позитивные сдвиги в аграрном секторе, и причины краха реформы. Здесь рассматривается как реальный ход аграрного развития, так и прогнозируются некоторые его аспекты при допустимых альтернативных вариантах. В-третьих, в обобщенном виде раскрываются те противоречия аграрного развития, которые неизбежно вели к Октябрьской революции.

Проделанный анализ ограничивается территорией Европейской России, так как, с одной стороны, характер его аграрного строя показывал определяющее воздействие на всю страну, а с другой — имеющиеся источники наиболее полно отразили ход процесса именно в этом регионе.

Конкретно — фактической основой для решения указанных задач послужили прежде всего данные сельскохозяйственной статистики, собранные Центральным статистическим комитетом и содержащиеся в различных публикациях и архивных фондах².

Обработка и анализ использованных данных потребовали применения наряду с традиционными и математико-статистических методов. В плане методическом наибольший интерес здесь представляет попытка применения методов имитационно-прогностического моделирования.

Стольпинская аграрная реформа была, как известно, второй после реформы 1861 г. «чистой» земель для развития аграрного капитализма по консервативно-

¹ См.: Советская Россия. 1990. 28 октября.

² Источниковедческая характеристика сельскохозяйственной статистики и других материалов о крестьянском и помещичьем хозяйствах дана в работе «Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма» (М., 1979. Гл. 5—9).

му, буржуазно-помещичьему («прусскому») пути. В этой связи необходимо напомнить о сути двух путей буржуазной аграрной эволюции и особенностях их проявления в России, ибо без учета этого обстоятельства невозможно раскрыть истинный характер и историческое значение столыпинской реформы.

Вопрос о двух путях буржуазной аграрной эволюции был поставлен и широко освещен В.И. Лениным на основе конкретного и фундаментального изучения хода аграрного развития России и других стран. Суть двух путей состояла в следующем. «Буржуазное развитие, — писал В.И. Ленин, — может идти, имея во главе крупные помещичьи хозяйства, постепенно становящиеся все более буржуазными ... Оно может также имея во главе мелкие крестьянские хозяйства, которые революционным путем удаляют из общественного организма "нарос" крепостнических латифундий и свободно развиваются затем без них по пути капиталистического фермерства. Эти два пути объективно-возможного буржуазного развития мы назвали бы путем прусского или путем американского типа»¹.

Объективно исторически возможными были лишь два пути буржуазной аграрной эволюции (в их различных вариантах) в силу того, что формы организации сельскохозяйственного производства, предшествующие капитализму, исчерпывались крупным помещичьим (или рабовладельчески-плантационным, как было на Юге США) и мелким крестьянским хозяйством. Естественно, что победить мог лишь один из этих путей. И хотя оба они представляли типы прогрессирующего аграрного развития, условия этого прогресса, особенно в период утверждения аграрного капитализма, были существенно различными для широких крестьянских масс. Развитие по «прусскому» пути характеризовалось максимальным сохранением «помещичьих хозяйств, помещичьих доходов, помещичьих (кабальных) приемов эксплуатации». «Американский» путь обеспечивал «в наибольших, возможных вообще при данном уровне культуры, размерах благосостояния крестьянства, уничтожение всех крепостнических и кабальных приемов эксплуатации, расширение свободного крестьянского землевладения»².

Победа того или иного из двух путей определялась в плане экономического соотношением в сельскохозяйственном производстве помещичьего и крестьянского хозяйства и их производственно-техническим уровнем, а в плане социально-политическом — расстановкой и активностью классовых и общественно политических сил, отстаивающих тот или иной путь. При наличии объективных исторических предпосылок развитие по «прусскому» пути могло быть обеспечено реформами, проводимыми государством, выражающим интересы помещиков, а по «американскому» пути — в результате победы буржуазно-демократической революции, устраняющей все полукрепостнические пережитки и прежде всего их основу — дворянско-помещичье землевладение. Поэтому первый из этих путей был реформистским, а второй — революционным.

Борьба двух путей буржуазно-аграрной эволюции могла иметь место повсюду, где соседствовали помещичье и крестьянское хозяйство. Практически к началу XX в. почти везде в Европе и Северной Америке победил один из двух путей. Важнейшей исторической особенностью России было то, что острейшая борьба двух путей буржуазной аграрной эволюции, развернувшаяся со времени отмены крепостного права, вплоть до 1917 г. так и не привела к победе того или иного из них. Это было обусловлено рядом обстоятельств.

Прежде всего следует указать на то, что в Европейской России и к моменту отмены крепостного права, и в течение всей эпохи капитализма господствующее положение в сельскохозяйственном производстве занимало крестьянское хозяйство. Так, в основной отрасли этого производства, т.е. в земледелии, в 50-х годах

¹ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 16. С. 215-216.

² Там же. С. 216. См. также с. 230, 406.

XIX в. на долю помещиков приходилось 21,9% всех посевов, а в 1916 г. — 11,3%. Таким образом, роль помещичьего хозяйства в сельскохозяйственном производстве была не только незначительная, но и существенно сократилась в эпоху капитализма².

Важные изменения произошли и на рынке в отношении крестьянского и помещичьего хлеба. Если, как показывают подсчеты, в середине XIX в. помещики производили немногим более половины товарного хлеба, то в конце эпохи капитализма — лишь пятую часть³.

Аналогичным было положение и в сфере скотоводства. Так, на долю частного-владельческого (помещичьего по своим размерам) хозяйства приходилось лошадей в 1900 г. 15,3%, а в 1916 г. — 6,2%, а всего скота соответственно — 17,9% и 5,7%⁴.

Естественно, соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в различных регионах было неодинаковым, как и разными были темпы падения доли помещичьего хозяйства в различные периоды.

Помещичье хозяйство было наиболее широко распространено в западных районах страны (Эстония, Латвия, Литва, западные губернии Белоруссии и Украины). В начале XX в. большая часть товарного хлеба производилась здесь помещиками⁵.

Господствующее положение крестьянского хозяйства в сельскохозяйственном производстве к моменту крестьянской реформы 1861 г. было обусловлено особенностями аграрного развития России в эпоху феодализма. Важнейшая из них состояла в широком распространении системы государственного феодализма. Даже во многих районах Европейской России (прежде всего на северных, восточных и южных ее окраинах) государственные крестьяне составляли подавляющую часть сельского населения, не знавшего помещичьего хозяйства и помещичьего гнета. Поэтому, с учетом того, что более 70% помещичьих крестьян находилось на барщине, крестьянское хозяйство все время оставалось ведущей формой организации сельскохозяйственного производства.

Другим существенным фактом, обуславливавшим ведущую роль крестьянского хозяйства и особенно специфику ведения помещичьего хозяйства, было крестьянская община с системой уравнильных земельных переделов и круговой порукой. В районах распространения такой общины (великорусские, восточно-белорусские и украинские левобережные губернии) при всей ограниченности возможностей к уравнительности тем не менее в силу того, что каждый крестьянин имел право на надел и получал его, сдерживалось образование слоя крестьян, не имевших земли и своего хозяйства⁶.

Особенно важным следствием указанного положения было то, что в период крепостничества подавляющая часть помещиков, ведущих свое хозяйство и эксплуатирующих крестьян на барщине, не имела собственной производственно-

¹ См.: Ковальченко И.Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в землевладельческом производстве капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 182.

² Там же.

³ Там же. С. 188-190.

⁴ Там же. С. 187.

⁵ Там же. С. 187.

⁶ Иным в этом отношении было положение в западных районах, где отсутствовало уравнительное общинное землепользование и поэтому существовал значительный слой безземельных и малоземельных крестьян, не имевших собственного хозяйства или ведущих его в крайне ограниченных размерах. См., напр.: Очерки экономической истории Латвии (1900—1917 гг.). Рига, 1968; Очерки экономической истории Латвии (1860—1900 гг.). Рига, 1972; Ниедре О. Социальная структура крестьянства Прибалтики (в первые десятилетия XX века). Рига, 1986.

технической базы (рабочий скот и сельскохозяйственные орудия) или она была крайне неразвитой. Помещики имели возможность пользоваться не только даровым трудом крепостных крестьян, но и их рабочим скотом, инвентарем и т.д. Тем самым не был накоплен опыт ведения хозяйства на основе собственной производственно-технической базы и эксплуатации лишённого средств производства крестьянства.

Поэтому помещичье хозяйство было не в состоянии быстро перестроиться на буржуазный лад после отмены в 1861 г. крепостного права. Сама эта неготовность, а также нежелание лишиться дарового крепостного труда обусловили, с одной стороны, сохранение после реформы не только привилегированного дворянского землевладения, но и целого ряда других факторов, связывавших крестьянское хозяйство с помещичьим (отрезки земли у крестьян, высокие выкупные платежи, права замены угодий и переселения крестьянских усадеб, помещичья власть над деревней вплоть до сохранения телесных наказаний и т.п.), а с другой стороны, потребовали переходного периода, необходимого для создания в помещичьем хозяйстве условий для буржуазной организации этого хозяйства. В результате на два десятилетия с лишним растянулся процесс перехода крестьян на выкуп, без чего крестьянское хозяйство не могло утвердиться как самостоятельная и свободная форма сельскохозяйственного производства, и возникла отработочная система помещичьего хозяйства, во многом сохранившая его крепостнические черты (крестьянин обрабатывал помещикам со своим рабочим скотом и инвентарем аренду земли и различные ссуды).

В итоге крестьянское хозяйство оказалось под мощным гнетом феодально-крепостнических пережитков, ограничивавших потенциальные возможности его развития. Обычно основное выражение этого гнета исследователи вслед за В.И. Лениным усматривают в отработках. Безусловно, отработки — сильнейшее проявление помещичьего гнета, наиболее очевидное по своей экономической неадекватности (компенсация трудовых затрат крестьян была здесь примерно вдвое ниже, чем при свободной продаже рабочей силы) и рутинности организации помещичьего хозяйства. Однако при незначительном его объеме и снижении гнет отработок не был столь тягостным для крестьян, как это представляется на первый взгляд. В самом деле, если бы в начале XX в. весь объем производства в помещичьем хозяйстве базировался бы на отработках первого рода, то и тогда, при том, что на долю помещиков приходилось не более десятой части сельскохозяйственного производства, отработки не были бы для крестьян невыносимыми. Кроме того, следует иметь в виду, что такая форма отработочной системы, как издольщина (при предоставлении помещиками не только земли, но и посевных материалов), была для крестьян, располагающих определенными избыточными сравнительно с имеющимся наделом трудовыми ресурсами и средствами производства, но не обладавшими денежными средствами для аренды земли, экономически выгодна. Она позволяла несколько расширить свое хозяйство без риска потерять денежный капитал в случае неурожая. Крестьянин терял здесь лишь свой труд¹.

Вместе с тем отработки, несмотря на их сокращение, сохранились вплоть до 1917 г. Так, по данным сельскохозяйственной переписи 1916 г., учет соотношения площадей посевов и количества рабочего скота в помещичьем хозяйстве показывает, что помещики могли обработать своим рабочим скотом в Европейской России в целом только примерно две трети своих посевов². Это свидетельствует о

¹ См. подробней: Ковальченко И.Д. Аренда земли бывшими помещичьими крестьянами в начале 80-х годов XIX в. // Из истории экономической и общественной жизни России: Сб. М., 1976. С. 53 и ел.

² Подсчет сделан по: Предварительные итоги сельскохозяйственной переписи 1916 г. Вып. 1. Европейская Россия. СПб, 1916.

медленном развитии капитализма в помещичьем хозяйстве и широком распространении рутинных, полуфеодальных форм его организации в течение всей эпохи капитализма.

Однако значительно более мощным прессом, ограничивавшим развитие крестьянского хозяйства, были те платежи, которые несло крестьянство за выкуп наделных, покупку и аренду помещичьих земель. Известно, что к 1906 г. крестьяне выплатили 2,5 млрд руб. выкупных платежей. С начала 60-х годов XIX в. до 1910 г. они затратили 2 млрд руб. на покупку частновладельческих земель. Кроме того, крестьяне арендовали у помещиков как минимум 20 млн дес. земли. На это уходило ежегодно в конце XIX — начале XX в. примерно 150 млн руб., а в период столыпинской аграрной реформы — не менее 250 млн руб. Следовательно, крестьяне уплатили помещикам несколько миллиардов рублей за аренду земли. В целом за период капитализма эта плата безусловно превысила 10 млрд руб. Это был мощнейший пресс, ограничивавший развитие крестьянского хозяйства. Громадные ресурсы были изъяты из производственной сферы, ибо помещики, которым досталась подавляющая часть этих средств, тратили их чаще всего непроизводительно.

Здесь, правда, заслуживает специального изучения вопрос о том, в какой мере извлеченные у крестьян ресурсы в конечном счете оказались использованными для индустриального развития.

Однако помещики паразитировали не только на развитии крестьянского хозяйства. Они получали также огромные ссуды под залог земли в акционерных земельных банках и Дворянском государственном земельном банке. К началу 1915 г. этим банком было выдано 3545,1 млн руб. ссуд¹.

Наконец, привилегированное помещичье землевладение создавало общую неблагоприятную экономическую конъюнктуру как для развития сельскохозяйственного производства, так и прогресса на основе буржуазных отношений народного хозяйства в целом. Тормозящая роль помещичьего землевладения и хозяйства приобрела наибольшую остроту в начале XX в. В это время развитие промышленного капитализма достигло высокого, монополистического уровня. На новый уровень вышло и развитие аграрного капитализма. В начале века происходило интенсивное формирование единого аграрного капиталистического рынка. Вслед за складыванием во второй половине XIX в. единого товарного рынка на основную сельскохозяйственную продукцию в начале XX в. в основном сложился единый рынок на средства производства и рабочую силу. Однако для завершения формирования единого капиталистического аграрного рынка необходим был единый рынок на основное средство сельскохозяйственного производства — землю. Но в силу ограниченности этого рынка (из свободного товарного оборота были исключены наделные земли, составлявшие в Европейской России, по земельной переписи 1905 г., 138,8 млн дес. против 101,7 млн дес. частновладельческих земель²) и господства на нем привилегированного помещичьего землевладения в начале XX в. формирование его находилось лишь в самой начальной стадии³. От этого страдало прежде всего крестьянство, ибо отсутствие единого земельного рынка приводило к тому, что в России арендные цены не соотносились с реальной стоимостью земли. Помимо учета этой стоимости аренда включала в себя еще и экономически необоснованный налог землевладельца на арендатора, опи-

¹ Материалы по истории аграрных отношений в России в конце XIX — начале XX в. Статистика долгосрочного кредита в России. М., 1980. С. 38—39.

² Проскураева Н.А. Размещение и структура дворянского землевладения Европейской России в конце XIX - начале XX в. // История СССР. 1973. № 1. С. 59.

³ См.: Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок. XVII — начало XX в. М., 1974. Гл. 8.

рающийся на земельную монополию, привилегии помещичьего землевладения и нужду крестьян в земле. Этим и обуславливались огромные затраты крестьян на аренду земли.

С другой стороны, неразвитость земельного рынка, задерживая складывание единой средней нормы прибыли в сельском хозяйстве, исключала формирование единой средней нормы прибыли в народном хозяйстве страны в целом. Тем самым ограничивался свободный перелив капиталов из одной сферы в другую, что является непременным условием производственного прогресса на основе законов рынка (законы стоимости, средней нормы прибыли, свободы хозяйственной деятельности и конкуренции).

К сожалению указанные аспекты тормозящего воздействия помещичьего землевладения и хозяйства на аграрный прогресс и крестьянское хозяйство, а также на народное хозяйство страны в целом еще не привлекли должного внимания исследователей¹.

Итак, мощное давление на крестьянское хозяйство со стороны помещика было одним из главных факторов аграрного процесса. Но это давление не сломило внутренних потенций прогрессирующего развития крестьянского хозяйства, важнейшим показателем чего может служить фактом весьма значительного расширения в пореформенной России землевладельческого производства вообще и сбора зерновых культур и картофеля в особенности. Если в 70-х годах XIX в. среднегодовые валовые сборы зерновых составляли 243,4 млн чтв. (четвертей), а картофеля — 40,8 млн чтв., а в переводе на зерно (3 чтв. картофеля = 1 чтв. зерна) — 257 млн чтв., то в 1909—1913 гг. они равнялись 395,5 млн чтв. зерна и 168,2 млн чтв. картофеля, или 451,6 млн чтв. зерна², т.е. прирост валового сбора составлял 75,7%. Он шел значительно быстрее, чем увеличение населения. Поэтому чистые сборы хлебов и картофеля выросли в это время с 2,68 до 3,53 чтв. на душу населения, т.е. на 31,7%. Это весьма значительный даже по современным условиям прогресс и он был всецело достигнут крестьянским хозяйством. Разумеется, это никоим образом не означало, что произошло и пропорциональное этому прогрессу улучшение положения крестьян. Основные его плоды достались господствующим классам, и прежде всего помещикам. Ясно, что если бы крестьянское хозяйство было свободно от давления, то указанный прогресс был бы намного большим, а его плодами воспользовалось бы и крестьянство. Однако в существовавших условиях крестьянский тип аграрного капитализма не мог восторжествовать. Для этого было необходимо прежде всего устранить помещичье землевладение.

Что касается помещичьего хозяйства, то, несмотря на огромные ресурсы, которые оно извлекло из крестьянского хозяйства и мощную экономическую и социально-политическую поддержку самодержавного государства, оно не только не смогло увеличить свой вклад в развитие сельскохозяйственного производства, но и при сократившихся размерах не достигло в целом производственно-технического превосходства над хозяйством крестьянским.

В таблице 1 на основе данных земельной и сельскохозяйственной переписи показана обеспеченность помещичьего и крестьянского хозяйств орудиями и скотом в 1917 г. (в среднем по 34 губерниям Европейской России). Лучше крестьян помещики были обеспечены лишь усовершенствованными орудиями (сеялки, жатки, валики, молотильные машины). Наличие у помещиков некоторого количества машин, приводимых в движение паровыми установками и двигателями

¹ Лишь в работе А.М. Анфимова «Крупное помещичье хозяйство Европейской России. Конец XIX — начало XX века» (М., 1969) ряд из них получил конкретное освещение.

² Нифонтов А.С. Зерновое производство России во второй половине XIX века. М., 1974. С. 284 (данные за 70-е годы); Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год 10-й. Пг., 1917. С. 8—34 (данные за 1909—1913 гг.). Подсчет автора.

чества машин, приводимых в движение паровыми установками и двигателями внутреннего сгорания, не оказывало существенного воздействия на производственно-техническую базу их хозяйства¹. И только по применению наемного труда помещичье хозяйство значительно превосходило крестьянское. Основой первого был труд наемных рабочих, а второго — семейный труд. Общее положение было таково, что и в указанном аспекте помещичье хозяйство не определяло исход борьбы двух путей буржуазной аграрной эволюции.

Таблица 1

Уровень помещичьего и крестьянского хозяйства Европейской России в 1917 г. (на 100 дес. посева)

	Помещики	Крестьяне
Рабочий скот	18,1	35,0
Продуктивный скот	6,6	55,8
Плуги	6,8	13,1
Усовершенствованные орудия	5,6	4,2
Наемные рабочие	14,4	1,1

Таким образом, в пореформенную эпоху и помещичье, и крестьянское хозяйства развивались по пути капитализма, и к началу XX в. буржуазные отношения в обоих типах хозяйств играли ведущую роль. Однако уровень аграрного капитализма был низким и его развитие сочеталось с многочисленными полукрепостническими пережитками². В крестьянском хозяйстве господствующее положение занимал мелкобуржуазный уклад, основой этого хозяйства служил семейный труд. Собственно капиталистическое, фермерское хозяйство, базой которого был наемный труд, играло незначительную роль.

Важной особенностью буржуазного развития деревни было наличие многочисленного слоя беднейшего крестьянства и увеличение его при сокращении зажиточной прослойки в конце XIX — начале XX в. По данным военно-конских переписей, 1888—1891 гг. безлошадные и однолошадные дворы в губерниях Европейской России составляли 55,8% всех дворов, а дворы с четырьмя и более лошадьми — 10,7%. Тем самым, с одной стороны, в деревне наличествовала широкая социальная основа для союза рабочего класса с беднейшим крестьянством, с другой — неустойчивое положение зажиточного крестьянства, приводившее в условиях растущего давления на деревню к его прямо-таки стремительному сокращению, что ограничивало возможности для превращения зажиточных крестьян в буржуазных фермеров. Все это порождало общее недовольство существующим положением.

В помещичьем хозяйстве господство буржуазных отношений сочеталось с сохранением привилегированного, феодального по своей природе землевладения, служившего основой для экономического и другого гнета крестьянства. Следствием этого было то, что в стране сформировался новый социальный слой, представители которого выступали и как организаторы капиталистического сельскохозяйственного производства, и как носители полукрепостнических форм землевладения и кабальных форм эксплуатации крестьянства. Одни и те же лица одновременно были и капиталистами-аграриями, и помещиками-полукрепостниками.

¹ См. подробнее: Анфимов А.М. Указ. соч. Гл. 2.

² См.: Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1982; Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1988.

А.

Альтернативный характер становления в стране аграрного капитализма вызывал острейшую борьбу, охватывающую все классы и социальные слои и общественно-политические силы, а аграрно-крестьянский вопрос был основным вопросом общественной жизни в течение всей эпохи капитализма. И хотя объективно-исторические предпосылки для торжества «крестьянского» капитализма имели под собой несравненно более широкую основу, чем капитализма «помещичьего», исход борьбы двух путей определялся соотношением социальных сил. К началу XX в. неизбежность, если можно так выразиться, прямой «схватки» этих сил, стала очевидной. В революции 1905—1907 гг. решался вопрос о создании условий, необходимых для победы «крестьянского» типа капитализма в буржуазном аграрном развитии. Но революция потерпела поражение, и такие условия не были созданы¹. Естественно, помещики и самодержавное государство должны были предпринять усилия для укрепления своего господства и обеспечения главенства помещиков в аграрном строе страны и, в конечном счете, торжества консервативного типа буржуазной аграрной эволюции. Столыпинская аграрная реформа и должна была решить эту задачу.

Официально столыпинская аграрная реформа была провозглашена именным высочайшим указом Сенату 9 ноября 1906 г. «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающегося крестьянского землевладения и землепользования», который был принят как закон 10 июня 1910 г. Основные идеи, положенные в основу реформы, а именно необходимость ликвидации общин и вовлечение надельных земель в свободный режимный оборот, высказывались задолго до П.А. Столыпина. Их, в частности, активно развивал еще до революции 1905—1907 гг. С.Ю. Витте.

Прежде чем рассматривать суть и ход реализации реформы, напомним об общей оценке реформы, данной современниками. Наиболее развернуто и концентрированно она прозвучала при обсуждении аграрного вопроса в III Государственной думе.

Сам Столыпин, выражая позицию правительства в своем выступлении в Думе (в ноябре 1907 г.), отстаивая реформу, говорил: «Не беспорядочная раздача земель, не успокоение бунта подачками — бунт погашается силой, а признание неприкосновенности частной собственности и, как последствие, отсюда вытекающее, создание мелкой личной собственности, реальное право выхода их общины и разрешение вопросов улучшенного землепользования — вот задачи, осуществление которых правительство считало и считает вопросами бытия русской державы»². В другой речи он подчеркивал, что, проводя реформу, правительство «ставило ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных»³.

Лидер крайне правых Н.Е. Марков-второй приветствовал «появление нового класса крестьян — мелких собственников или крестьян — помещиков... ибо они дадут больше пищи народу, а следовательно, от их появления народу будет лучше». Те, кто требует отчуждения частной земли, «стоят за голод и нищету на-

¹ Следует обратить внимание на важность более широкого и глубокого рассмотрения причин поражения революции 1905—1907 гг. Представляется, что любая буржуазная революция не может победить без поддержки буржуазии. Думается, что отказ российской буржуазии от такой поддержки не сводится, как чаще всего полагают, к одним общественно-политическим мотивам, но имеет свои и более глубокие корни.

² Сборник речей. СПб., 1912. С. 45-46.

³ Там же. С. 75.

рода»¹. Помещик-октябрист А.Д. Голицын оценивал общину как стоячее болото, которое дает «послушный материал для всякого рода массовых выступлений». Путь к прогрессу деревни по его мнению, — «свободная от гнета общины личность, просвещение, культура и ограждаемый законом упорный частный труд»². Кадет А.Е. Березовский указывал, что «теперь истинный план и расчеты правительства не скрываются и им самим; оно откровенно говорит, что эта мера (аграрная реформа. — *И.К.*) необходима для того, чтобы приступить к насаждению крепкого крестьянского хозяйства»³. Фракция трудовиков в III Думе полагала, что указ от 9 ноября 1906 г. «преследует политическую цель расслоения деревни на зажиточное меньшинство, которое должно явиться прочной опорой правительства и земледельческого класса, и экономически зависимую и политически совершенно бесправную массу». «Он выгоден главным образом помещикам и фабрикантам, так как значительно увеличивает предложение труда и понижает и без того крайне низкую заработную плату»⁴. «Правительство поняло, — подчеркивал В.И. Ленин, — что вся масса крестьян против него, и оно старается найти себе союзников из крестьянских богатеев»⁵. Социально-экономическую и общественно-политическую направленность реформы можно резюмировать словами немецкого свидетеля профессора Ауагена: «В широкие крестьянские массы, — писал он, — вгоняется клин путем создания слоя крепких крестьян-собственников. Уважая свою собственность, они создадут в среде самого крестьянства прочную почву для охраны крупного землевладения»⁶.

Таким образом, основная цель реформы состояла в расширении путем раскола относительного единства и общности интересов крестьянского мира условий для торжества аграрного капитализма в его консервативно-помещичьем, «прусском» варианте и укрепления социальной опоры самодержавного строя.

Главным путем достижения указанной цели были ликвидация крестьянской общины с присущей ей системой землевладения и землепользования и создание широкого слоя личных крестьян-собственников, ведущих предпринимательское рыночное хозяйство и расширяющих его прежде всего за счет покупки бывших общинных надельных, а не только частновладельческих (прежде всего дворянских) земель, как было до реформы. Указанную суть реформы следует иметь в виду нашим современникам, усматривающим в ней чуть ли не образец для решения современных аграрных проблем.

Посмотрим, в какой мере правительству удалось практически реализовать намеченные реформой меры.

Прежде всего об общине. По данным земельной переписи 1905 г., в 50 губерниях Европейской России⁷ насчитывалось 12,3 млн дворов, владевших 138,8 млн дес. надельной земли. На общинном праве владели землей 9,2 млн дворов (76,7% всех дворов), которым принадлежало 100,7 млн дес. (80,4% надельной земли). Вместе с казачеством на общинном праве находилось 77,2% дворов и 83,4% надельных земель.

По сведениям губернаторов, которые далеко не были заинтересованы в преуменьшении успехов в проведении реформы и располагали наиболее обширными данными о положении дел в губерниях, к 1 января 1916 г. выделились из общины

¹ Сидельников С.М. Аграрная реформа Столыпина: Сборник материалов. М., 1973. С. 278.

² Там же. С. 282-283.

³ Там же. С. 287.

⁴ Там же. С. 241.

⁵ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 20. С. 77.

⁶ Цит. по: Герасименко Г.А. Указ. соч. С. 22.

⁷ Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907. С. 174-175.

и укрепили землю в личную собственность 2,5 млн дворохозяев (27% всех обширных дворов), имевших 15,9 млн дес. (14% всех общинных земель)¹. Наиболее активным выход из общины был в 1908—1910 гг. (вышло более половины всех вышедших дворов), а с 1911 г. выход из общины резко сократился.

Очевидно, что курс на ликвидацию общины потерпел провал, что подрывало возможность достижения основной цели реформы. И дело здесь не только в том, что выделилось из общины лишь немногим более пятой части дворов. Важно и то, что, во-первых, из общего числа выразивших желание выйти из общины лишь немногим более четверти дворов (26,6%) получили от сельского общества согласие на выход. Большая же часть выделившихся (72,3%) получили разрешение на выход от местных властей, т.е. утверждение личного землевладения совершалось под административным нажимом на деревню². Во-вторых, из общины вышли отнюдь не только наиболее состоятельные крестьяне, стремившиеся вести предпринимательское хозяйство. Это прежде всего видно из того, что на 27% дворов, вышедших из общины, приходилось всего 14% общинных надельных земель.

Конкретные цели выхода из общины рассматриваются в обследованиях и опросах, проводившихся различными организациями и обществами. Так, в ответах корреспондентов Вольного экономического общества выделяются три причины выхода из общины: 1) боязнь потерять при переделе имевшиеся излишки земель; 2) стремление продать землю; 3) желание вести самостоятельное хозяйство³. По сведениям, собранным Московским обществом сельского хозяйства, в 1909 г. укрепили землю в собственность для ее продажи 52,5% опрошенных, из опасения потерять излишки земли при переделе — 27,3% и для улучшения хозяйства лишь 18,7%⁴. Аналогичное положение было и в других районах⁵.

Таким образом, из общины уходили прежде всего представители полярных слоев деревни — полностью или в значительной мере пролетаризированные ее слои, стремившиеся продать надел, и наиболее состоятельные крестьяне, ведущие предпринимательское хозяйство. Этим было обусловлено то, что самая высокая доля дворов, вышедших из общины, была в районах с наибольшим развитием капитализма в крестьянском хозяйстве. Это губернии — Таврическая (63,6%), Екатеринославская (54,1%), Самарская (49,4%), Киевская (48,6%), Курская (43,8%). Наименьшее число дворов вышло из общины в Пермской (4%), Вятской (4,9%), Астраханской (5,3%), Вологодской (6,5%) губерниях, т.е. на окраинах Европейской России, где помещичье землевладение и хозяйство играли незначительную роль, а обеспеченность крестьян надельной землей была самой высокой сравнительно с другими районами. Обращает на себя внимание и тот факт, что доля вышедших из общины в нечерноземной полосе (13,8%) была вдвое ниже, чем в черноземной (27,7%). Исключением была Московская губерния (31,2%)⁶.

Столь существенные различия в выходе из общины свидетельствуют о том, что этот процесс был тесно связан со спецификой социально-экономического развития различных регионов. Поэтому необходим специальный анализ зависимости выхода из общины от соотношения помещичьего и крестьянского землевладения и хозяйства, развития капитализма в городе и в деревне и других факторов. Нуждаются в более глубоком изучении и причины того, почему община выдержала мощный натиск на нее. Поэтому следует не только раскрыть негативное воздействие общины на аграрное развитие, что прежде всего и делается в ис-

¹ Дубровский С.М. Указ. соч. С. 199.

² Там же. С. 211.

³ Чернышев И.В. Общины после указа 9 ноября 1906 г. Ч. 1. М., 1917. С. 48 и др.

⁴ Дубровский С.М. Указ. соч. С. 213.

⁵ Там же. С. 214.

⁶ Там же. Приложение 2 (с. 574—576).

ториографии, но и конкретно показать общину как «демократическую организацию местного управления, как товарищеский или соседский союз»¹, в котором остро нуждалось крестьянство, в том числе и зажиточное.

Выход из общины не только превращал наделы в личные владения крестьян, но и предусматривал право сведения их воедино в виде отрубов или хуторов, что значительно расширяло свободу хозяйственной деятельности, без которой не мог сложиться слой крестьян-предпринимателей, на насаждение которого и была направлена реформа.

В 1907—1915 гг. на надельных землях крестьян было создано 1265 тыс. хуторов и отрубов (10,3% от общего числа всех крестьянских хозяйств), под которыми было занято 12232 тыс. дес. земли (8,8% всех крестьянских земель). Всего же с учетом хуторов и отрубов, созданных на землях Крестьянского банка и казны, участковым землевладением было охвачено 15,4 млн дес. земли², что составляет 11 % от общей площади надельных земель. Очевидно, при таком низком удельном весе индивидуальное участковое хозяйство не могло оказать существенного воздействия на общее развитие сельскохозяйственного производства страны.

Важным является и то обстоятельство, что почти половина участкового хозяйства (7 млн дес. из 15,4 млн дес.) было сконцентрировано всего в семи южных и юго-восточных губерниях (Гаврическая, Херсонская, Екатеринославская, Харьковская, Саратовская, Самарская, Ставропольская губернии)³, на которые приходилось менее 10% всех надельных земель. По отношению к ним участковое землевладение составляло здесь примерно треть. Именно здесь, в районах Степного юга и юго-востока Европейской России личное участковое землевладение и землепользование могло в наибольшей мере воздействовать на ход буржуазной аграрной эволюции.

Расширить и укрепить слой личных собственников-крестьян правительство рассчитывало, во-первых, путем скупки ими надельной земли, поступившей в свободный товарооборот, и, во-вторых, путем содействия покупке крестьянами частновладельческих земель через Крестьянский поземельный банк. Итоги здесь были такими.

Всего в 1908—1915 гг. надельную землю полностью или частично продали 1,1 млн дворов (9% всех крестьянских дворов). Ими было продано 4 млн дес. земли (2,8% всех надельных земель). При этом 87% проданных земель находилось в общинном, а 13% — в подворном владении⁴. Очевидно, что указанный размах продажи надельных земель лишь в малой степени влиял на развитие земельного рынка, замедленность формирования которого, как указывалось, тормозила развитие капитализма в стране. Продавали землю в основном беднейшие слои деревни⁵. Это была, если можно так выразиться, продажа «из нужды». Поэтому, как правило, продавался весь надел. Продавали надельную землю и зажиточные крестьяне, но это было связано с более рациональной организацией хозяйства (например, переселение на купленные частновладельческие земли). Покупали надельные земли прежде всего крестьяне самостоятельные.

Значительно большую роль в расширении участкового крестьянского землевладения в годы столыпинской реформы сравнительно с надельными землями имели покупки частновладельческих земель. Содействие этим покупкам оказывал Крестьянский поземельный банк, учрежденный в 1882 г. Банк продавал крестья-

¹ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 6. С. 344.

² Першин П.Н. Участковое землепользование в России. Хутора и отруба, их распространение за десятилетие 1907—1916 гг. М., 1922. Приложение. С. 46—47.

³ Там же.

⁴ Дубровский С.М. Указ. соч. С. 361.

⁵ Там же. С. 371.

нам или принадлежавшие ему земли, купленные у частных землевладельцев, или оказывал путем выдачи ссуд содействие в приобретении ими этих земель у самих владельцев. В годы столыпинской реформы деятельность банка значительно активизировалась. Если до 1906 г. крестьянами было приобретено через банк 8,3 млн дес, то в 1906—1916 гг. — 9,6 млн дес. При этом наиболее активной деятельностью банка была в 1908—1911 гг., когда площадь приобретенной через банк земли составляла 5,2 млн дес. Далее идет существенное сокращение этих покупок. Три четверти проданной через банк земли принадлежало дворянам. Среди покупателей росла доля зажиточных крестьян, которым, несомненно, принадлежала большая часть купленных земель¹.

В целом рынок приобретаемых крестьянами через банк земель был более широким, чем рынок земель наделных. Однако и покупка земли через Крестьянский банк тоже не дала существенных сдвигов ни в насаждении предпринимательских крестьянских хозяйств, ни в развитии земельного рынка. Общие покупки крестьянами наделных и частновладельческих земель за время столыпинской реформы составляли лишь 10% по отношению к наделным землям (4 млн дес. наделных и 9,6 млн дес. частновладельческих земель при 139 млн дес. наделных земель). При этом, как указывалось, с 1912 г. начинается падение объема приобретаемой крестьянами земли. Так, если в 1910—1911 гг. было приобретено (наделных и частновладельческих) 4 млн дес, то в 1913—1914 гг. — лишь 2,9 млн дес.

Одной из важнейших причин низкого уровня товарного оборота земли была социальная узость, помещичья направленность земельной политики самодержавия. Крестьянский банк покупал помещичьи земли по явно завышенным ценам, которые к тому же росли. Так, средняя цена десятины земли, купленной крестьянами через банк до 1906 г., была 81 руб., а в 1906—1916 гг. — 133 руб.² В итоге росли платежи по ссудам банка, а вместе с ними и задолженность. Характерно, что до 1911 г. задолженность сокращалась (в 1910 г. она составляла 21,3% к годовому окладу), а с 1911 г. начинает быстро расти (1914 г. она равнялась 51,6% оклада)³.

Таким образом, с одной стороны, самодержавие стремилось насадить в деревне слой самостоятельных крестьян-предпринимателей, а с другой стороны, выдвигая на первый план интересы помещиков, оно мало содействовало этому процессу. Ставка делалась на то, что распад общины приведет к концентрации состоятельными крестьянами в своих руках материальных, и прежде всего земельных, ресурсов деревни. Этой же цели, а также разрядке социального напряжения в деревне, служила и политика переселения крестьян за пределы Европейской России. Итоги этого процесса хорошо известны. Напомним лишь, что в 1880—1895 гг. в восточные районы страны переселилось 46461,7 тыс. человек, в 1896—1905 гг. — 107,9 тыс., а в 1906—1911 гг. — 3078,9 тыс. Около пятой части (18,6%) переселившихся в 1896—1916 гг. вернулись обратно. При этом и переселенческое движение достигло своего максимума в 1907—1909 гг., после чего начался его спад⁴.

При всех трудностях, с которыми сталкивались переселенцы, они несомненно внесли, как показано в обширной литературе, существенный вклад в хозяйственное освоение новых регионов. Однако переселения не ослабили ни земельной нужды крестьянства, ни социальной напряженности в деревне. Ни привели они и к заметному росту могущества состоятельных слоев деревни, хотя прежде всего им достались земли переселенцев.

¹ Батурицкий Д.А. Указ. соч. С. 127—131.

² Подсчет сделан по: Батурицкий Д.А. Указ. соч. С. 127.

³ Дубровский С.М. Указ. соч. С. 348.

⁴ Там же. С. 390—391.

Таковы основные направления и итоги столыпинской аграрной реформы. Со всей очевидностью эти итоги свидетельствуют о том, что столыпинская аграрная реформа провалилась еще до Первой мировой войны. Поэтому безосновательны всякие утверждения о том, что для успеха реформы, а следовательно, и для торжества в России порядков, установившихся в Западной Европе, не хватило мирного времени. При этом, как уже указывалось, игнорируется и то обстоятельство, что буржуазное аграрное развитие шло и по альтернативному, буржуазно-демократическому пути.

Посмотрим теперь, каково было воздействие столыпинской реформы на общий ход аграрного развития. Судить об этом по целому ряду важных аспектов этого развития позволяют имеющиеся статистические данные как хорошо известные (урожайная статистика, военно-конские переписи), так и еще не введенные в широкий научный оборот. Особую ценность среди последних имеют сведения о землевладении и землепользовании, размерах посевов и количестве рабочего и другого скота в крестьянских и частновладельческих (помещичьих) хозяйствах в 1906—1907 гг. и 1912—1913 гг., т.е. непосредственно в период реформы, собранные Центральным статистическим комитетом и хранящиеся в ЦГИА. Эти сведения дают реальную, а не искаженную в официальных публикациях картину соотношения крестьянского и помещичьего хозяйства¹. Правда они охватывают лишь 19 губерний на первый момент (11 губерний за 1906 г. и 8 — за 1907 г.) и 12 губерний на второй (6 губерний за 1912 г. и 6 — за 1913 г.). Итоги обработки этих данных по ряду показателей приведены в таблице 2.

Таблица 2

Крестьянское и помещичье хозяйство в 1906-1913 гг.*

Показатели	Районы					
	Северный	Нечерноземный	Западный	Среднечерноземный	Южный	
	(1 губ.)	(4 губ.)	3 (губ.)	(7 губ.)	2 губ.	4 губ.
Дворов	199,4 238,5	529,5 706,9	376,4 460,8	2162,4 2462,8	462,4 506,4	1081,9
Всего крестьянских и частновладельческих земель, тыс. дес.	1879,8 1912,2	8723,6 8782,9	6956,6 7072,5	25903,5 25165,0	9193,7 9354,4	— 21943,9
Частновладельческих земель, %	6,2 3,4	11,1 8,6	32,2 28,1	23,4 19,8	27,9 26,1	— 24,9
Крестьянской земли, %						
— наделной	96,8 91,8	95,0 95,2	97,3 91,5	88,1 84,9	69,5 74,9	— 72,0
— купчей	1,8 4,2	3,2 3,7	2,4 8,0	5,5 10,1	11,6 8,9	— 10,9
— арендованной	1,4 4,0	1,8 1,1	0,3 0,5	6,4 5,0	18,8 16,2	— 17,1

¹ ЦГИА СССР. Ф. 1290 (ЦСК). Оп. 5. Д. 119-120. 130-132. Источниковедческий анализ этих материалов дан в статье автора «Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства».

Показатели	Районы					
	Северный	Нечерноземный	Западный	Среднечерноземный	Южный	
Всего землепользования крестьян, дес. на двор		14,6 11,4	12,5 НД	9,5 8,6	12,9 12,8	15,2
Всего крестьянских и частновладельческих (тыс. дес.)	569,4 671,2	2794,5 3137,3	2692,7 2829,2	13013,4 14417,9	5436,8 5905,4	14673,7
Частновладельческих посевов, %	4,0 3,0	7,7 7,8	31,3 27,3	21,7 17,2	22,5 20,0	19,0
Частновладельческих посевов, обрабатываемых своим рабочим скотом, %	100,0 100,0	91,7 97,7	71,0 90,0	53,2 55,9	68,1 82,4	76,0
Всего крестьянского и частновладельческого рабочего скота (тыс. гол.)	117,2 125,4	1161,3 1061,0	691,0 762,2	3237,5 3457,8	929,2 956,6	2581,4
Частновладельческого рабочего скота, %	2,3 1,3	7,1 4,5	22,2 24,6	11,6 9,7	15,2 16,4	14,8
У крестьян на двор:						
— посевов	2,9 2,7	4,9 4,1	4,9 4,5	4,7 4,9	9,1 9,3	11,1
— голов рабочего скота	1,2 1,2	2,0 1,4	1,4 1,2	1,3 1,3	1,7 1,6	2,0

Таблица составлена по данным ЦСК: ЦГИА СССР. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 119-120, 130—132. В первой строке сведения за 1906/07 гг., во второй — за 1912/13 гг. Северный район — Вологодская губерния; Нечерноземный — Костромская, Новгородская, Псковская, Петербургская; Западный — Виленская, Гродненская, Ковенская; Среднечерноземный — Орловская, Тамбовская, Воронежская, Курская, Харьковская, Полтавская, Черниговская; Южный — за оба периода — Таврическая, Саратовская, а за второй — еще Екатеринославская, Донская губернии.

Прежде всего интересно посмотреть, как изменилось в годы реформы соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства. Доля помещиков в крестьянском и частновладельческом землевладении во всех районах сократилось. Сократилась (кроме Нечерноземного района) и доля помещичьих посевов. Характерно, что в двух черноземных районах, на которые приходилась подавляющая часть посевов всех 17 рассматриваемых губерний, сокращение доли помещичьих посевов в Южном районе было намного ниже, чем в Среднечерноземном. Но в целом падение роли помещичьего хозяйства в рассматриваемый период происходило интенсивней, чем в период от реформы 1861 г. и до реформы Столыпина¹. Это следствие широкой распродажи земель помещиками под воздействием революции. Столыпинская реформа не внесла здесь существенных изменений. Крестьянский поземельный банк лишь более активно, чем прежде, содействовал выгодной продаже земли помещикам.

Существенным является тот момент, что в Западном и Южном районах возросла доля рабочего скота, принадлежавшего помещикам. Следствием этого было то, что здесь значительно увеличилась доля помещичьих посевов, которые могли быть обработаны собственным рабочим скотом (на западе — с 71,1 до 90%, а на

¹ См.: Ковальченко И.Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства... С. 185.

юге — 68,1 до 82,4%)'. Эт° Г" несомненное свидетельство ускорения процесса утверждения буржуазных отношений в помещичьем хозяйстве. Вместе с тем в Среднечерноземной полосе, гд° была сосредоточена большая часть помещичьих посевов рассматриваемых губерний, эта доля изменилась незначительно (с 53,2 до 55,9%) и была лишь немИ°^{отим} более половины. Это значит, что здесь были широко распространены отработки. Среднечерноземная полоса, как и до реформы, осталась бастионом полукрепостнических пережитков.

В целом столыпинская реформа не внесла каких-либо существенных изменений в развитие помещичьего хозяйства. Да и не ставила такой задачи. Цель состояла в обратном — в с°^х Р°^{нени} в неприкосновенности буржуазно-консервативного, сопряженного с крепостническими пережитками характера развития помещичьего хозяйства.

Конкретные изменения в крестьянском землепользовании и хозяйстве состояли в следующем. Везде° землепользовании (кроме западных губерний) сократилась доля арендованных и возросла (кроме южных губерний) доля покупных земель. Покупные и арендуемые земли составляли существенную часть землепользования в Южном районе, но за время реформы она не возросла, а сократилась (с 30,4 до 25,1%). 0 другом сельскохозяйственном районе (Среднечерноземном) товарная часть землепользования возросла с 11,9 до 15,2%. В общем изменения в структуре крестьянского землепользования не были существенными. Так, среднегодовой прирост покупных земель крестьян в 19 губерниях составил в 1877—1905 г. 6 9% а в 1906—1913 г. — 7,4%, т.е. реформа, несмотря на то, что теперь крестьяне покупали в собственность и надельные земли, не дала ожидаемых результатов°. В целом крестьянское землепользование осталось низкотоварным, надельно-натуральным.

В состоянии крестьянского хозяйства каких-либо серьезных сдвигов также не произошло. Относительные размеры общего землепользования крестьян (всех земель на двор), за исключением Южного района (где они остались прежними), несколько сократились. Но размеры посевов и количество рабочего скота на двор, кроме Нечерноземного района, остались неизменными. Наиболее высоким в указанном отношении уровень крестьянского хозяйства был в Южном районе.

Конечные результаты воздействия столыпинской реформы на развитие сельскохозяйственного производства отражаются в его состоянии. Посмотрим, каким было состояние основной отрасли этого производства — земледелия. Выше уже говорилось о его существенном прогрессе в конце XIX — начале XX в. Что же дала для этого прогресса столыпинская аграрная реформа?

Обобщенным показателем успехов в развитии сельскохозяйственного производства являются данные°^{об} объеме производимой продукции (см. табл. 3).

Валовые сборы сельскохозяйственной продукции в 1909—1913 г., т.е. в разгар столыпинской реформы, возр°^{если} сравнительно с началом века незначительно (всего на 7,3%). Среднегодовой°^{же} прирост этих сборов заметно снизился (до 1,46% против 2,41%). Поэтому утверждения о росте сбора хлебов в период реформы в два раза°^я являются чистейшим вымыслом. Даже по сравнению с 70-ми годами XIX в. этот прирост (по зерновым и картофелю) составил всего 75,7%. Реформа

¹ Доля посевов помещик°^с которая могла быть обработана их рабочим скотом, была определена так Рассчитывал°^{сб} количество посевов на голову рабочего скота в целом по губернии На основе этого расчета и с учетом численности рабочего скота помещиков вычислялась площадь посевов, которую помещики могли бы обработать своим рабочим скотом. Затем эта площадь соотносилась с общей площадью посевов помещиков.

² Подсчет по: Статистика землевладения 1905 г. СПб., 1907. Табл. II и материалы ЦСК за 1906 и 1913 гг.

³ См.: Огонек. 1989. № 45. С. 12.

не привела к сдвигу в развитии земледелия. Пик этих сдвигов был пройден до революции 1905—1907 гг.

Таблица 3

Динамика сбора хлебов и картофеля в Европейской России*

Валовой сбор за год	Годы				
	70-е	80-е	90-е	1900-1905	1909-1913
Зерновые, млн чтв.	243,4	284,2	335,5	381,2	395,5
Картофель, млн чтв.	40,8	49,8	96,4	118,8	168,2
Всего	257,0	300,8	367,6	420,8	451,6
В % к предыдущему периоду		117,0	122,2	114,5	197,3
Среднегодовой прирост в %		1,70	2,22	2,41	1,46

* Нифонтов А.С. Зерновое производство России во второй половине XIX века (данные за 70—90-е гг.). Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год 10-й (данные по началу XX в.). Подсчет автора.

* С пересчетом картофеля на зерно.

Столь же беспочвенны и утверждения о процветании сельскохозяйственного производства в период стлыпинщины на том основании, что Россия экспортировала много хлеба. Да, действительно вывоз был большим. Так, в 1909—1913 гг. вывозилось в год 724,4 тыс. пуд. (или примерно 90 млн четвертей)¹, что составляло более пятой части сбора зерновых культур в это время (см. табл. 3). Но громадный вывоз был обусловлен не наличием излишков хлеба сравнительно с внутренней потребностью. Выше указывалось, что в это время производилось в расчете на душу населения примерно 3 четверти чистого сбора зерна. Если учесть, что это количество считалось еще в XIX в. минимальной нормой, необходимой для удовлетворения продовольственных и хозяйственных нужд, то даже при значительных сборах картофеля действительные излишки хлеба в стране были невелики.

Огромный вывоз, достигший в период реформы максимальных объемов, безусловно снижал потребление хлеба подавляющей частью крестьян, т.е. ухудшал их положение. Интенсивный экспорт хлеба был обусловлен тем, что его вывоз был основным источником поступления валюты. В те же 1909—1913 гг. экспорт хлеба давал ежегодно более 650 млн руб. За 14 предвоенных лет экспорт дал 7,3 млн руб.² И хотя продавался хлеб, произведенный прежде всего крестьянством, маловероятно, что значительная часть этой огромной суммы валютных поступлений досталась крестьянству.

Наконец, о результатах главной цели реформы, а именно о радикальном изменении социальной структуры деревни путем насаждения мощного слоя сострательных индивидуальных собственников, ведущих предпринимательское рыночное хозяйство.

Обобщенным показателем здесь могут быть сведения об изменении соотношения в деревне различных слоев крестьянства. В таблице 4 указано соотношение этих слоев по данным по обеспеченности лошадьми.

То, что вывозились далеко не излишки хлеба, очевидно из следующего. В России в начале XX в. сравнительно с ее основными конкурентами по экспорту хлебов сборы хлебов в расчете на душу населения были в 2 раза меньше, чем в

¹ Лященко П. Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства. М., 1927. С. 311.

² Там же. С. 312-313.

США, в 2,5 раза меньше, ^{чем в} Аргентине и почти в 3 раза меньше, чем в Канаде

Таблица 4

Соотношение в Европейской России различных слоев крестьянства*

Показатели	Губернии				47 губерний
	^черно- земные (2 ³ губ.)	среднечерно- земные (15 губ.)	степные (6 губ.)	прибалтий- ские (3губ.)	
1888-1891 гг.					
Всего дворов, тыс. в %	4376,3	4163,8	1084,1	207,7	9831,9
безлошадных	20,6	34,9	28,9	11,0	27,2
с 1 лошастью	36,6	23,0	16,4	33,8	28,6
с 2 - " -	23,4	21,8	23,7	22,8	22,7
с 3 - " -	11,4	10,2	10,0	16,1	10,8
с 4 и более	8,4	10,1	21,0	16,3	10,7
1899-1900 гг.					
Всего дворов, тыс. в %	4957,6	4685,5	1216,2	261,1	11119,4
безлошадных	23,9	36,6	25,2	17,9	29,3
с 1 лошастью	38,6	25,0	16,0	32,3	30,3
с 2 - " -	21,4	22,3	24,0	20,4	22,0
с 3 - " -	9,2	8,8	11,6	14Д	9,4
с 4 и более	6,9	7,3	23,2	15,3	9,0
1912 г.					
Всего дворов, тыс. в %	3905,3	5507,2	1482,0		13125,9
безлошадных	25,8	39,5	27,4	22,2	31,6
с 1 лошастью	41,9	25,9	16,1	33,8	32,2
с 2 - " -	21,0	22,4	26,2	22,6	22,2
с 3 - " -	6,9	7,4	10,6	11,5	7,6
с 4 и более	4,4	4,8	19,7	9,9	6,4

* Подсчет по: Военно-кон[^]перепись. 1888 г. СПб., 1984; ...1899-1900 г. СПб, 1902; 1912 г. СПб. 1913. Исключо[<]из-за неполных данных Архангельская и Астраханская губернии и Область Войска Донского.

В самом общем плане процесс характеризовался следующими чертами. В нечерноземных и среднечерн[>] районах в течение всего периода происходило сокращение доли состоятельных (безлошадных и однолошадных) дворов. При этом в начале XX в. оно ш⁻интенсивней, чем в конце XIX. Таким же было направление процесса и в Прибалтике. Здесь особенно существенно сократился слой многолошадных двор<2^в начале XX в. Наименьшими изменения в соотношении групп были в Южн^{*ом} и Юго-Восточном районах. Его отличием было то, что здесь сравнительно с другими районами слой беднейших крестьян был наименьшим, а зажиточных - наибольшим. Значительный слой состоятельных крестьян был и в Прибалтике.

В целом процесс социального расслоения деревни характеризовался преимущественным выделением в деревне нечерноземной и среднечерноземной полосы пролетарских и полупролета-Р^{ект} слоев, а в Прибалтийском и особенно Южном —

¹ Лященко Л И История народного хозяйства СССР. Т. 2. Капитализм. М, 1950. С. 280.

обуржуазивавшихся слоев деревни. При этом не обнаруживается расширения слоя зажиточного крестьянства под воздействием столыпинской реформы.

Однако соотношение дворов различной хозяйственной состоятельности не отражает их веса в экономике деревни. Применительно к сельскохозяйственному производству достаточно точное представление об этом весе дает распределение хозяйств по наличию рабочего скота. Имеющиеся данные показывают, что доля зажиточных слоев в землевладельческом производстве примерно равнялась доле принадлежащих им лошадей¹. В целом по Европейской России последняя сократилась с 38,1% в 1888-1891 гг. до 32,2% в 1899-1900 гг. и до 26% в 1912 г. Доля зажиточных крестьян в сельскохозяйственном производстве упала примерно с двух пятых до трети в конце XIX в. Земледелие все в большей мере основывалось на середняцко-бедняцких слоях деревни. Столыпинская реформа не только не прервала эту тенденцию, но в начале XX в. еще более усилила ее.

Сокращение доли рабочего скота у зажиточных крестьян было наиболее интенсивным в Нечерноземном районе. В названные выше периоды эта доля составляла соответственно 33,8, 24 и 17,2%. Очень существенно она сократилась и в Среднечерноземной полосе: 34,5, 27,4 и 21,1%. В Прибалтике падение этого показателя началось лишь в начале XX в.: 37,7, 39,4 и 29,9%. И наиболее устойчивой роль состоятельного крестьянства в экономике деревни была в Степном районе: 60, 59,9, 55,1% рабочего скота. Кроме того, это был единственный район, где на долю зажиточного слоя деревни в течение всего рассматриваемого периода приходилось более половины сельскохозяйственного производства. Определенную роль в этом сыграла и столыпинская реформа. Вызванное ею расширение предпринимательской деятельности крестьян почти предотвратило сокращение здесь удельного веса состоятельного крестьянства в экономике деревни.

Производственно-технический уровень хозяйства зажиточных крестьян в начале XX в. несколько повысился. Они имели в среднем по Европейской России на двор лошадей: в 1888 г. — 6,1, в 1900 г. — 5,2, в 1912 г. — 5,5. Но в целом зажиточные крестьяне не только не превратились в определяющую экономическую и социальную силу в деревне, как замыслилось, но их роль даже заметно уменьшилась. Значит еще до Первой мировой войны и в своем главном аспекте реформа не достигла цели. Поэтому утверждения некоторых историков о том, что для торжества замыслов реформаторов не хватило мирного времени, и в этом плане являются необоснованными. Ход проведения реформы в жизнь полностью подтверждает сделанное выше на основе анализа общих условий и тенденций аграрного развития заключение о невозможности победы в России буржуазно-консервативного, помещичьего типа аграрного капитализма не только в форме непосредственного господства помещичьего хозяйства, но и в форме союза помещиков и самостоятельных индивидуальных земельных собственников-крестьян. Достаточно обширный слой зажиточных крестьян предполагалось создать в результате ликвидации общин и передачи им наделных земель в личную собственность. Но нежелание основной массы крестьян выходить из общины и общая малочисленность зажиточной прослойки в деревне сделали невозможным утверждение и этого варианта помещичьего капитализма.

Такое положение подтверждается еще одним аспектом анализа. Речь идет об имитации возможных изменений в социальной структуре деревни путем построения альтернативно-имитационной модели процесса². Суть этого моделирования

¹ См., напр.: Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Поли. собр. соч. Т. 3. С. 122-123.

² Роль в исторических исследованиях имитационного моделирования рассматривается в работе И.Д. Ковальченко «Методы исторического исследования» (М., 1987. С. 406 и др.)-

состоит в выявлении хода развития при условиях, отличных от реально существовавших, но исторически допустимых. Подобные модели важны не тем, как нередко полагают, что они, рисуя иной ход процесса, могут быть основой для суждений о благоприятном или неблагоприятном ходе реального развития, а тем, что они позволяют более глубоко понять, почему реальный процесс был таким, а не иным.

Применительно к столыпинской реформе теоретически допустимы два варианта хода аграрного развития. Посмотрим, какова могла бы быть при этом социальная структура деревни.

В данном случае при моделировании был использован метод так называемых «марковских цепей». Суть его состоит в том, что по имеющимся данным о соотношении различных групп объектов, относящимся к двум или более временным моментам, рассчитывается возможное соотношение этих групп на следующем временном рубеже¹. В таблице 5 приведены результаты соответствующих вычислений.

Таблица 5

Имитационная модель соотношения типов крестьянских хозяйств в Европейской России (в %)

Показатели	Губернии				
	нечерноземные	среднечерноземные	степные	прибалтийские	Европейская Россия
Фактическая доля дворов в 1912 г.*:					
беднейшие	67,6	65,4	43,5	56,0	63,8
средние	27,9	29,8	36,8	34,1	29,8
зажиточные	4,4	4,8	19,7	9,9	6,4
Расчетная доля дворов (в %) в 1912 г. по данным за 1900 г.:					
беднейшие	65,6	63,1	38,6	48,8	59,6
средние	28,2	30,3	37,0	37,3	31,8
зажиточные	6,2	6,3	24,4	13,9	8,6
Расчетная доля дворов в начале 1920-х гг. по данным за 1912 г.:					
беднейшие	67,2	66,3	42,7	55,9	66,4
средние	29,1	29,4	37,6	37,3	28,0
зажиточные	3,7	4,3	19,7	6,8	5,5

* Доля дворов за 1888, 1900, 1912 гг. указана в табл. 4. К беднейшим отнесены безлошадные и однолошадные дворы, к средним — с 2 и 3 лошадьми, к зажиточным — с 4 и более.

В плане подтверждения бесперспективности в результате столыпинской реформы утверждения в России буржуазно-консервативного варианта аграрного развития результаты имитационного моделирования превосходят всякие ожидания.

¹ Соответствующая обработка материалов на ЭВМ проведена в Московском университете Л.И. Бородкиным, которому автор выражает свою благодарность.

Начнем с проГ^{доза} ° возможном соотношении разных групп дворов в 1912 г. при допущении т<^> что афарное развитие в 1900—1912 гг. протекало бы при таких же условиях¹ которые существовали в конце XIX в. и зафиксированы в данных о соотношении Дворов в 1888 и 1900 гг. Прогноз показывает, что в этом случае в 1912 г повс^{местно} во всех Р^{ег}нах и Европейской России в целом доля беднейших дворов была бы заметно меньше, а зажиточных значительно больше, чем было в д^{ейст}^{ительности} - ^т^о значит, что давление на деревню (а суть столыпинской реформ¹ сводилась именно к этому) давало лишь негативные результаты в изменении социальной структуры деревни. Говоря шире, полученные результаты свидетел^{ствуют} о том > что именно свободное развитие крестьянского хозяйства те бугя^{суазно-демок} р^{атически} л^{ум} аграрной эволюции, могло привести к наиболее благоприятным экономическим и социальным результатам.

Второй ПРОГНС³ направлен на выявление того, какой могла бы быть социальная ырушур^а дер^{евни} в начале 20-х годов сравнительно с 1912 г., если бы в это время в аграрном Р^{азвити} сохранились условия 1900—1912 гг., т.е. если бы для реализации столы^{тинской} Реформы было больше мирного времени. Прогноз показывает что и в Подобной контрфактической ситуации, идеальной с позиций реформаторов и о^тс^{таивавших}х устремления некоторых современных ученых, не удалось бы добит^ь достижения социальных целей, преследуемых реформой, а именно утвержде^{ния} господства в деревне состоятельного слоя крестьян. Повсеместно расчетная до^{ля} зажиточных дворов оказалась значительно меньшей, чем эта доля была в 1912 г. Процесс осередничивания и обеднения деревни мог еще более усилиться по сравнению с 1900-1912 гг.

В целом пасс^{иваемы} прогноз показывает несостоятельность суждений тех кто полагает что столыпинская реформа при иных условиях ее проведения могла бы обеспеч^{ить} аграрный процесс и тем самым предотвратить Октябрьскую революцию.

Таковы реаль^{ные} и^{то}ги аграрного развития в период столыпинской реформы и его возможные результаты при иных вариантах этого развития.

Таким образом⁴, проведенный анализ показывает, что столыпинская афарная реформа по сути провалилась еще до Первой мировой войны. А это значит, что ходом историческ^{ого} развития была снята возможность победы «прусского», буржуазно-консерват^{ивного} варианта афарного капитализма. Оставалась вроде бы лишь возможность победы «американского», крестьянского типа афарного капитализма. Однако и здесь ход исторического развития привел к ситуации, когда уже в силу со^{ци}а/^{льно-политических} причин победа и этого типа становилась невозможной.

Для торжестве крестьянского пути буржуазной афарной эволюции необходимо было устрани^{ть} крепостнических пережитков, и прежде всего ликвидации помещичьего зем^{левладения} - Но ликвидировать в начале XX в. полуфеодалное помещичье земл^{евладение} преимущественно дворянское по своей сословной пптшапп^и^ч (примерно 70% частновладельческих земель принадлежало дворянам) было не^{возможно}, не покаясь на буржуазную собственность вообще. Как указывалось сами помещики были одновременно и полукрепостниками, и буржуазными пр^{инимателями} - ^т^о последнее проявлялось не только в том, что развитие п^ои^{ещичьего} хозяйства подчинялось законам капиталистического производства но и в том, что мног^{ие} и дворяне занимались предпринимательской деятельностью в области промышленности и банковском деле¹. С другой сторо-

¹ См • Каоелин А^п - Дворянство в пореформенной России. 1861—1904 гг. М., 1979.

ны, значительная часть ссуд, полученных помещиками под залог земли, была выдана акционерными, буржуазными по своей природе, земельными банками. А примерно треть частновладельческих земель принадлежала не дворянам, а купцам, мещанам и крестьянам. Короче говоря, полуфеодалная и буржуазная собственность все более тесно переплетались. Поэтому нельзя было, покушаясь на первую, не затрагивать вторую.

В итоге решение буржуазных по своей сути задач, а именно ликвидации помещичьего землевладения и связанных с ним других феодальных пережитков, становилось невозможным в условиях буржуазного строя. Эти задачи могли быть решены не буржуазной, а социалистической революцией, передающей власть в руки трудящихся, а основные средства производства, включая землю, — в общественную, народную собственность.

Уже в начале XX в. это было очевидно и самим помещикам. Так, в основных положениях по аграрному вопросу, принятых Первым съездом полномоченных дворянских обществ в мае 1906 г., говорилось: «Если право собственности на землю будет уничтожено, то это будет лишь первым шагом к уничтожению права собственности на все остальные виды имущества: на городские недвижимости, промышленные и фабричные предприятия, денежные капиталы и т.д., т.е. к социалистическому строю»¹. В данном случае представителям дворянства нельзя отказать в исторической проницательности.

Невозможность ликвидации полукрепостнических пережитков на основе сохранения буржуазного строя стала особенно очевидной в годы Первой мировой войны. Война гигантски ускорила развитие капитализма, окончательно и неразрывно слила это развитие с сохранением феодальных пережитков. Это и было причиной того, что Февральская революция 1917 г. не привела к решению аграрного вопроса. Решить этот вопрос, как и вообще преодолеть кризис, в котором оказалась страна, было невозможно, «не покидая почвы буржуазных отношений»². Так ход исторического развития страны привел к необходимости социалистической революции, которая, проведя национализацию земли, т.е. решая буржуазно-демократическую задачу, вместе с тем открывала путь для движения к социализму.

Тем самым противоречие между настоятельной необходимостью ликвидации помещичьего землевладения, основного феодального пережитка в деревне, и невозможностью решения этой задачи в буржуазных условиях было одной из важнейших исторических предпосылок социалистической революции в России.

Особенности аграрной эволюции обусловили и ряд других черт в историческом развитии страны. Одна из них состояла в том, что невозможность ликвидации помещичьего землевладения без покушения на буржуазную собственность ослабляла, а то и вообще подрывала социально-экономические основы для компромисса с буржуазными слоями общества при проведении послереволюционных преобразований. А без таких компромиссов не обходилась ни одна революция, ибо они облегчали формирование новых экономических, социальных и других систем и структур. В нашей стране эти преобразования в донэповский период приобрели максимальную антибуржуазную направленность, усиливаемую верой в скорую победу мировой пролетарской революции. Этим была вызвана и та жестокость борьбы, которая имела место в гражданской войне. Сейчас много пишут и говорят об этой жестокости. Но, во-первых, ее нельзя приписывать только одной борющейся стороне. Во-вторых, нельзя сводить причины, порождавшие ее, только к разного рода субъективным факторам. Она имела и свои глубокие корни.

Сидельников СМ. Указ. соч. С. 81.

Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 31. С. 37.

Социалистическая революция в России была неизбежностью, обусловленной особенностями ее исторического, прежде всего аграрного, развития. Но произошла она в стране, которая, хотя и достигла общего среднего уровня развития капитализма, но оставалась страной аграрной, где не было всех необходимых предпосылок для генезиса социалистической системы на естественно-исторической основе, т.е. путем внутренней эволюции общественно-экономических укладов при адекватных взаимосвязях между ними. Этот генезис протекал при господстве предельно централизованных и насильственных методов «первоначального накопления», которые имели широкое распространение в эпоху генезиса и других общественно-экономических формаций. Основным источником «первоначального накопления» была деревня. Начальная стадия генезиса социализма фактически продолжается у нас и сейчас. Только-только наметился переход на естественно-исторический путь этого генезиса в плане социально-экономическом и демократический — в сфере социально-политической.

С учетом сказанного и должен решаться вопрос о том, с каким социализмом мы имеем дело. Думается, правомерно утверждать, что реально завершается лишь начальный этап генезиса социализма. Сам же истинный социализм еще впереди и, видимо, не так близко, как хотелось бы.

Аграрное развитие России и революционный процесс

Изучение аграрного строя в России в период от отмены в 1861 г. крепостного права и до 1917 г., т.е. в эпоху капитализма, и особенно в начале XX в. принадлежат к числу наиболее актуальных проблем и советской и зарубежной историографии. Это обусловлено тем, что именно это развитие и его противоречия оказывали сильнейшее воздействие на весь ход исторического развития страны. Можно утверждать, хотя это и противоречит господствующим в историографии представлениям, что без учета особенностей аграрного развития невозможно понять предпосылки трех российских революций (1905—1907 г.; февральская 1917 г. и октябрьская 1917 г.), сконцентрированных на предельно кратком в историческом плане отрезке времени.

В данном случае нет возможности, да и необходимости, характеризовать итоги изучения советскими историками аграрного строя России в рассматриваемое время. Отметим лишь, что многие черты этого строя еще далеко не изучены должным образом, что, естественно, приводит к различным мнениям и вызывает споры. Дискуссии идут в основном вокруг вопроса о соотношении в аграрном развитии буржуазных и полукрепостнических отношений и возможностях и путях утверждения аграрного капитализма.

В конкретно-историческом плане наименее изученной является типология буржуазной аграрной эволюции и связь типов этой эволюции и вообще буржуазного прогресса с пережитками крепостнических отношений.

Анализу типов и путей буржуазной аграрной эволюции и присущих ей противоречий и посвящен настоящий доклад. Этот анализ ограничивается территорией Европейской России. Это обусловлено, тем, что, во-первых, социально-экономическое развитие Европейской России оказывало определяющее воздействие на всю страну и, во-вторых, только по Европейской России имеется достаточно цельный комплект конкретно-исторических данных.

Конкретно-фактической основой для решения указанной задачи послужили прежде всего данные сельскохозяйственной статистики, собранные Центральным статистическим комитетом и содержащиеся в различных публикациях и архивных фондах¹.

Обработка и анализ использованных данных потребовали применения наряду с традиционными и математико-статистическими методов. В плане методическом наибольший интерес здесь представляет попытка применения методов имитационно-прогностического моделирования.

* * *

Вопрос о путях буржуазной аграрной эволюции, как известно, был поставлен и широко освещен В.И. Лениным на основе конкретного и фундаментального изучения хода аграрного развития России и других стран. Вся совокупность путей буржуазной аграрной эволюции, как хорошо известно, В.И. Ленин сводил к двум основным. Суть их состояла в следующем. «Буржуазное развитие, — писал

¹ Источниковедческая характеристика сельскохозяйственной статистики и других материалов о крестьянском и помещичьем хозяйствах дана в работе «Массовые источники по социально-экономической истории России периода капитализма» (М., 1979. Гл. 5—9).

В.И. Ленин, — может идти, имея во главе крупные помещичьи хозяйства, постепенно становящиеся все более буржуазными ... Оно может идти также, имея во главе мелкие крестьянские хозяйства, которые революционным путем удаляют из общественного организма «нарост» крепостнических латифундий и свободно развиваются затем без них по пути капиталистического фермерства. Эти два пути объективно-возможного буржуазного развития мы называли бы путем прусского и путем американского типа»¹.

Объективно-возможными были лишь два пути буржуазной аграрной эволюции (в их различных вариантах) в силу того, что формы организации сельскохозяйственного производства, предшествующие капитализму, исчерпывались крупным помещичьим (или рабовладельчески-плантационным, как было на юге США) и мелким крестьянским хозяйством, каждое из которых могло быть основой буржуазного прогресса. Естественно, что победить мог лишь один из этих путей. И хотя оба они представляли собой типы прогрессирующего аграрного развития, условия этого прогресса, особенно в период утверждения аграрного капитализма, были существенно различными. Развитие по прусскому пути характеризовалось максимальным сохранением «помещичьих хозяйств, помещичьих доходов, помещичьих (кабальных) приемов эксплуатации». Американский путь обеспечивал «в наибольших, возможных вообще при данном уровне культуры, размерах благосостояния крестьянства, уничтожение всех крепостнических и кабальных приемов эксплуатации, расширение свободного крестьянского землевладения»².

Победа того или иного из двух путей определялась в плане экономического соотношением в сельскохозяйственном производстве помещичьего и крестьянского хозяйства и их производственно-техническим уровнем, а в плане социально-политическом — расстановкой и активностью классовых и общественно-политических сил, отстаивающих тот или иной из путей.

Борьба двух путей буржуазно-аграрной эволюции могла иметь место везде, где соседствовали помещичье и крестьянское хозяйство. Но практически-исторически, как известно, к началу XX века почти везде в Европе и Северной Америке победил один из двух путей. Важнейшей исторической особенностью России было то, что острейшая борьба двух путей буржуазной аграрной эволюции, развернувшаяся со времени отмены крепостного права вплоть до 1917 года, так и не привела к победе того или иного из них. Это было обусловлено рядом обстоятельств.

Прежде всего следует указать на то, что в целом в Европейской России в течение всей эпохи капитализма господствующее положение в сельскохозяйственном производстве занимало крестьянское хозяйство. Так, в основной отрасли этого производства, то есть в земледелии, в 50-х годах XIX в. на долю помещиков приходилось 21,9% всех посевов, а в 1916 г. — 11,3%³. Таким образом, роль помещичьего хозяйства в земледельческом производстве была не только незначительной, но и существенно сократилась в эпоху капитализма.

Важные изменения произошли и в соотношении на рынке крестьянского и помещичьего хлеба. Если, как показывают расчеты, в середине XIX в. помещики производили немногим более половины товарного хлеба, то в конце эпохи капитализма — лишь примерно пятую часть⁴.

¹ Ленин В.И. Поли. собр. соч. Т. 16. С. 215-216.

² Там же. С. 216. См. также с. 230, 406.

³ См. Ковальченко И.Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 182.

⁴ Там же. С. 188-190.

Аналогичным было положение и в сфере скотоводства. Так, на долю частного-владельческого (помещичьего по своим размерам) хозяйства приходилось лошадей в 1900 г. — 15,3%, а в 1916 г. — 6,2%, а всего скота соответственно по 17,9% и 5,7%!

Господствующее положение крестьянского хозяйства в сельскохозяйственном производстве к моменту крестьянской реформы 1861 г. определялось особенностями аграрного развития России в эпоху феодализма. Важнейшая из них состояла в широком распространении системы государственного феодализма. В середине XIX в. в государственной деревне, не знавшей помещичьего хозяйства и гнета, сосредотачивалось примерно столько же крестьян как и в деревне помещичьей. Поэтому крестьянское хозяйство все время было доминирующей формой сельскохозяйственного производства.

Другим существенным фактором, обуславливавшим ведущую роль крестьянского хозяйства и особенно специфику ведения помещичьего хозяйства, была крестьянская община с системой уравнильных земельных переделов и круговой порукой.

В районах распространения такой общины (великорусские, восточно-белорусские и украинско-левобережные губернии) при всей ограниченности возможностей к уравнительности, тем не менее в силу того, что каждый крестьянин имел право на надел и получал его, сдерживалось образование слоя крестьян, не имевших земли и своего хозяйства. В силу этого помещики имели возможность пользоваться не только даровым трудом крепостных крестьян, но и их рабочим скотом, инвентарем и т.д. Тем самым не был накоплен опыт ведения хозяйства на основе собственной производственно-технической базы и эксплуатации лишнего средств производства крестьянства, что затрудняло и замедляло превращение крепостнических помещичьих хозяйств в буржуазные.

Таким образом, ко времени отмены крепостного права сложилась историческая ситуация, когда, с одной стороны, объективно-экономически наиболее широкою основой для последующего аграрного прогресса, буржуазного по своей сущности, создавало крестьянское хозяйство, а с другой — на ведущую роль в этом прогрессе, естественно, претендовало хозяйство господствующего класса помещиков-крепостников, опиравшегося на поддержку самодержавия.

Борьба за условия отмены крепостного права была объективно борьбой за тот или иной путь буржуазной аграрной эволюции.

В ходе этой борьбы самодержавие, в лице наиболее прозорливых государственных и общественных деятелей, выдвинуло и в целом отстояло компромиссный вариант упразднения крепостничества, исходивший из учета объективных обстоятельств, а именно интересов и крестьян и помещиков. Главное, что добились реформаторы состояло в том, что отделялось от помещичьего (хотя далеко не сразу и не во всем) и получило возможность для самостоятельного развития крестьянское хозяйство. Крестьяне не только получили личную свободу, но и земельный надел с правом его выкупа в собственность, преимущественно общинную. Тем самым создавались условия для формирования широкого слоя самостоятельных мелких производителей, которые в условиях быстрого развития городов, промышленности и вообще общественного разделения труда, превращались в товаропроизводителей. Все это положительно сказалось на развитии крестьянского хозяйства и сельскохозяйственного производства. Так чистые сборы зерновых культур и картофеля (в пересчете на зерно) в расчете на душу всего населения выросли в Европейской России в 1909—1913 гг. сравнительно с 70-ми годами XIX в. с 340 до 450 кг (с 2,7 до 3,5 четвертей), т.е. почти на треть.

¹ См.: Ковальченко И.Д. Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве капиталистической России. С. 187.

Однако этот прогресс сдерживался и тормозился мощным давлением на крестьян со стороны помещиков. Реформа 1861 г. не только сохранила привилегированное дворянско-помещичье землевладение, являвшееся основой экономической зависимости крестьян от помещиков, но и многие другие крепостнические пережитки (сословная неполноправность, власть помещиков под органами крестьянского самоуправления, телесные наказания и т.д.).

Обычно основное выражение помещичьего гнета исследователи, вслед за В.И. Лениным, усматривают в отработках. Безусловно, отработки — сильнейшее проявление помещичьего гнета, наиболее очевидное по своей экономической неадекватности (компенсация трудовых затрат крестьян была здесь примерно вдвое ниже, чем при свободной продаже рабочей силы) и рутинности организации помещичьего хозяйства. Однако, при незначительном общем объеме помещичьего производства гнет отработок не был столь тягостным для крестьян, как это представляется на первый взгляд, хотя отработки и сохранились до 1917 г.

Значительно более мощным прессом, ограничивавшим развитие крестьянского хозяйства, были те платежи, которые несло крестьянство за выкуп наделных и особенно покупку и аренду помещичьих земель. Известно, что к 1906 г. крестьяне выплатили 2,5 млрд руб. выкупных платежей. С начала 60-х годов XIX в. до 1910 г. они затратили 2 млрд руб. за покупку частновладельческих земель. Кроме того, крестьяне арендовали у помещиков как минимум 20 млн дес. земли. На это уходило ежегодно в конце XIX в. не менее 150 млн руб., а в начале XX в. примерно 200—250 млн руб. Следовательно, крестьяне за эпоху капитализма уплатили помещикам несколько миллиардов рублей за аренду земли. Грандиозность сумм, затрачиваемых крестьянами на выкуп, покупку и аренду земли, очевидна из того, что рыночная стоимость всего земельного фонда Европейской России составляла в начале XX в. 20 млрд рублей, а дворянских земель 4,3 млрд руб.¹ Громадные ресурсы были изъяты из производственной сферы, ибо помещики, которым досталась подавляющая часть этих средств, тратили их чаще всего непроизводительно.

Однако помещики паразитировали не только на развитии крестьянского хозяйства. Они получали также огромные ссуды под залог земли в акционерных земельных банках и Дворянском государственном земельном банке. К началу 1915 г. этими банками было выдано 3545,1 млн руб. ссуд под залог частновладельческих земель.

Наконец, привилегированное помещичье землевладение создавало общую неблагоприятную экономическую конъюнктуру как для развития сельскохозяйственного производства, так и прогресса на основе буржуазных отношений народного хозяйства в целом. Тормозящая роль помещичьего землевладения и хозяйства приобрела наибольшую остроту в начале XX в. В это время развитие промышленного капитализма достигло сравнительно высокого уровня. На новый уровень вышло и развитие аграрного капитализма. В начале века происходило интенсивное формирование единого аграрного капиталистического рынка. Вслед за складыванием во второй половине XIX в. единого товарного рынка на основную сельскохозяйственную продукцию в начале XX в. в основном сложился единый рынок на сельскохозяйственные средства производства и рабочую силу. Но для завершения формирования единого капиталистического аграрного рынка необходим был единый рынок на основное средство сельскохозяйственного производства — землю. Однако в силу ограниченности этого рынок (из свободно-товарного оборота были исключены наделные крестьянские земли, составлявшие в Европейской России по земельной переписи 1905 г. 138,8 млн дес. против

¹ Проскурякова Н.А. Размещение и структура дворянского землевладения в конце XIX - начале XX века // История СССР. 1973. № 1. С. 62.

101,7 млн дес. частновладельческих земель)¹ и господства на нем привилегированного помещичьего землевладения в начале XX века формирование этого рынка началось лишь в самой начальной стадии². С одной стороны, это препятствовало полному утверждению объективных законов рынка (законы стоимости, средней нормы прибыли, конкуренции) в сфере сельскохозяйственного производства. От этого страдало прежде всего крестьянство, ибо отсутствие единого земельного рынка приводило к тому, что в России арендные цены не соотносились с реальной стоимостью земли. Кроме учета цен на землю аренда включала в себя еще и экономически необоснованный налог землевладельца на арендатора, опирающийся на монополию на рынке и привилегии помещичьего землевладения и нужду крестьян в земле. Этим и обуславливались огромные затраты крестьян на аренду земли.

С другой стороны, неразвитость земельного рынка, задерживая складывание единой средней нормы прибыли в сельском хозяйстве, исключала формирование единой средней нормы прибыли и в народном хозяйстве страны в целом. Тем самым ограничивался свободный перелив капиталов из одной сферы в другую, что является непременным условием успешного производственного прогресса на основе рыночной экономики.

Как видим, помещичье хозяйство, несмотря на свой незначительный вес в сельскохозяйственном производстве, оказывало огромное и негативное по своему характеру воздействие на развитие и крестьянского хозяйства, и аграрной сферы, и народного хозяйства страны в целом.

Однако, несмотря на огромные ресурсы, которые помещики извлекали из крестьянского хозяйства, и мощную экономическую и социально-политическую поддержку самодержавного государства, они не только не смогли увеличить свой вклад в развитие сельскохозяйственного производства, но и не достигли в целом производственно-технического превосходства над хозяйством крестьянским.

В пореформенную эпоху и помещичье и крестьянское хозяйство развивалось по пути капитализма и к началу XX в. буржуазные отношения играли и там и там ведущую роль. Однако, во-первых, уровень аграрного капитализма был низким и его развитие сочеталось с многочисленными полукрепостническими пережитками³. В крестьянском хозяйстве господствующее положение занимал мелкобуржуазный уклад. Основой этого хозяйства служил семейный труд. Собственно капиталистическое, фермерское хозяйство, базой которого в то время был наемный труд, играло незначительную роль.

Важной особенностью буржуазного развития деревни было наличие многочисленного слоя беднейшего крестьянства и увеличение его численности при сокращении зажиточной прослойки в конце XIX — начале XX вв. По данным военно-конских переписей в 1888—1891 гг. безлошадные и однолошадные дворы по губерниям Европейской России составляли 55,8% всех дворов, а дворы с 4 и более лошадьми — 10,7%. В 1912 г. это соотношение соответственно равнялось 63,8% и 6,4%. Тем самым, с одной стороны, в деревне наличествовала широкая социальная основа для союза рабочего класса с беднейшим крестьянством, с другой — неустойчивое положение зажиточного крестьянства, приводившее в условиях растущего давления на деревню к его прямо-таки стремительному сокраще-

¹ Проскуракова Н.А. Размещение и структура дворянского землевладения в конце XIX - начале XX века. С. 59.

² См.: Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII — начало XX вв. М., 1974. Гл. 8.

³ См.: Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1982; Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М., 1988.

нию, ограничивало возможности для превращения зажиточных крестьян в буржуазных фермеров. Все это создавало обостряющуюся социальную напряженность в деревне.

Во-вторых, и в помещичьем хозяйстве господство буржуазных отношений сочеталось с сохранением привилегированного, феодального по своей природе землевладения, служившего основой для экономического и другого гнета крестьянства. Следствием этого было то, что в стране сформировался новый социальный слой, представители которого одновременно выступали и как организаторы капиталистического сельскохозяйственного производства и как носители полукрепостнических форм землевладения и кабальных форм эксплуатации крестьянства. Одни и те же лица были и капиталистами-аграриями и помещиками-полукрепостниками. Более того, длительное сохранение полуфеодальных форм земельной собственности привело к началу XX в. к ее неразрывному сочетанию с собственностью буржуазной не только в среде дворянства и в аграрной сфере, но и у других сословий и сферах предпринимательской деятельности. Так примерно треть частновладельческих земель принадлежала не дворянам, а купцам, мещанам и крестьянам. Многие дворяне занимались предпринимательской деятельностью в области промышленности, банковском деле¹. Большая часть принятых в залог частновладельческих земель и выданных под нее ссуд по данным 1915 г. приходилась на акционерные, т.е. буржуазные по своей сути, земельные банки². К началу XX в. ситуация в аграрной сфере была такова, что, с одной стороны, возможности для буржуазного аграрного прогресса, открытые реформой 1861 г. были исчерпаны, а с другой — ни один из двух путей этого прогресса не восторжествовал. Помещичьему хозяйству несмотря на мощную поддержку самодержавия, не хватало для этого экономической мощи и социальной базы. Объективно-экономические предпосылки для торжества «крестьянского» капитализма были несравненно шире. Но успешное развитие крестьянского хозяйства сковывалось полукрепостническими пережитками, мощным давлением помещиков и самодержавия.

К началу века неизбежность, если можно так выразиться, прямого столкновения двух тенденций и схватки стоящих за ними социальных сил стала очевидной. И такие схватки произошли. Их было две. Это — революция 1905—1907 гг. и столыпинская аграрная реформа.

В сфере социально-экономической революция 1905—1907 гг. была борьбой за расчистку пути для торжества буржуазно-демократического, крестьянского пути буржуазной аграрной эволюции. Центральной здесь была задачи ликвидации помещичьего землевладения и связанных с ним других феодальных пережитков.

Ход и исход революции хорошо известны. Первая буржуазно-демократическая революция в России потерпела поражение. Основной причиной этого поражения было, как представляется, то, что революция не была поддержана буржуазией. Более того, она в конечном счете заняла контрреволюционную позицию. Несомненно здесь сыграл свою роль тот объективный факт, что нельзя было устранить основной феодальный пережиток, а именно помещичье землевладение, чего добивались все демократические силы, не затрагивая частную собственность вообще. Сращивание у многих землевладельцев полуфеодальной и буржуазной собственности, обусловившее невозможность упразднения помещичьего землевладения без определенного покушения на частную собственность в целом, были очевидны и представителям господствующего класса. Так в основных положениях по аграрному вопросу, принятых первым съездом уполномоченных дворянских обществ в

¹ Карелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861—1904. М., 1979.

² Материалы по истории аграрных отношений в России. Статистика долгосрочного кредита. М., 1980. С. 38—39.

мае 1906 г., говорилось: «Если право собственности на землю будет уничтожено, то это будет лишь первым шагом к уничтожению собственности на все остальные виды имущества: на городские недвижимости, промышленные и фабричные предприятия, денежные капиталы и т.д., т.е. к социалистическому строю»¹. В данном случае представителям дворянства нельзя отказать в исторической проницательности.

Отбив натиск революционно-демократических сил, помещики и самодержавие, естественно, должны были нанести контрудар, имеющий своей целью обеспечение торжества буржуазно-помещичьего типа аграрного развития. На это и была направлена столыпинская аграрная реформа.

* * *

Основные идеи, положенные в основу столыпинской реформы, а именно, необходимость ликвидации общины и вовлечение надельных земель в свободный рыночный оборот, высказывались задолго до Столыпина. Их, в частности, активно развивал еще до революции 1905—1907 гг. С.Ю. Витте.

Определяя суть реформы и выражая позицию правительства в своем выступлении в Думе (в ноябре 1907 г.) В. Столыпин говорил: «Не беспорядочная раздача земель, не успокоение бунта подачками — бунт погашается силой, а признание неприкосновенности частной собственности, и, как следствие отсюда вытекающее, создание мелкой личной собственности, реальное право выхода из общины и разрешение вопросов улучшенного землепользования — вот задачи, осуществление которых правительство считало и считает вопросами бытия русской державы»². В другой речи он подчеркивал, что, проводя реформу, правительство «ставило ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных»³.

Социально-экономическую и общественно-политическую направленность реформы можно резюмировать словами наблюдавшего ее немецкого профессора Аугагена: «В широкие крестьянские массы, — писал он, — вгоняется клин путем создания сословия крепких крестьян-собственников. Уважая свою собственность, они создадут в среде самого крестьянства прочную почву для охраны крупного землевладения»⁴.

Таким образом, очевидно, что основная цель реформы состояла в создании слоя гроссбауеров в результате раскола относительного единства и общности интересов крестьянского мира, фактически путем разорения широких масс крестьянства.

В этой связи представляются совершенно несостоятельными высказываемые в настоящее время в массовой печати заключения о том, что современные аграрные преобразования в нашей стране должны ориентироваться на опыт столыпинской реформы.

Главным путем достижения указанных целей была ликвидация крестьянской общины и создание широкого слоя личных крестьян-собственников, ведущих предпринимательское рыночное хозяйство и расширяющих его прежде всего за счет покупки бывших общинных надельных, а не только частновладельческих (прежде всего дворянских земель), как было до реформы.

Посмотрим, в какой мере правительству удалось практически реализовать поставленные цели. По сведениям губернаторов, которые далеко не были заинтересованы в преуменьшении успехов в проведении реформы и располагали наиболее

¹ Сидельников СМ. Аграрная реформа Столыпина. Сборник материалов. М., 1973. С. 81.

² Сборник речей Столыпина. СПб., 1912. С. 45—46.

³ Там же. С. 75.

⁴ Цит. по: Герасименко Г.А. Борьба крестьян против Столыпина.

обширными данными о положении дел в губерниях, к 1 января 1916 г. выделились из общины и укрепили землю в личную собственность 2,5 млн дворохозяев (27% всех общинных дворов), имевших 15,9 млн дес. земли (14% всех общинных земель). При этом уже с 1910 года выход из общины резко падает¹.

Очевидно, что курс на ликвидацию общины потерпел провал, что подрывало возможность достижения основной цели реформы. При этом весьма важно то, что из общины вышли отнюдь не только наиболее состоятельные крестьяне, стремившиеся вести предпринимательское хозяйство. Это прежде всего очевидно из того, что на 27% дворов, вышедших из общины, приходилось всего 14% общинных наделных земель.

Выход из общины не только превращал наделы в личные владения крестьян, но и предусматривал право сведения их воедино в виде «отрубов» или хуторов, что значительно расширяло свободу хозяйственной деятельности.

В 1907—1915 гг. на наделных землях крестьян было создано 1265 тыс. хуторов и отрубов (10,3% от общего числа всех крестьянских хозяйств), под которыми было занято 12232 тыс. дес. земли (8,8% всех крестьянских земель). Всего же с учетом хуторов и отрубов, созданных на землях Крестьянского банка и казны, участковым землевладением было охвачено 15,4 млн дес. земли, что составляет 11,0% от общей площади наделных земель². Очевидно, при таком низком удельном весе индивидуальное участковое хозяйство не могло оказать существенного воздействия на общее развитие сельскохозяйственного производства страны.

Расширить и укрепить слой личных собственников-крестьян правительство рассчитывало кроме того путем скупки ими наделной земли, поступившей в свободный товарооборот, путем содействия покупке крестьянами частновладельческих земель через крестьянский поземельный банк. Итоги здесь были такими.

Всего в 1908—1915 гг. наделную землю полностью или частично продали 1,1 млн дворов (9,0% всех крестьянских дворов). Ими было продано 4,0 млн дес. земли (2,8% всех наделных земель)³.

Значительно большую роль в расширении участкового крестьянского землевладения имели покупки крестьянами частновладельческих земель. В 1906—1916 гг. при содействии крестьянского банка было приобретено 9,6 млн дес.⁴

Однако и покупка земли через Крестьянский банк также не дала существенных сдвигов ни в насаждении предпринимательских крестьянских хозяйств, ни в развитии земельного рынка. Общие покупки крестьянами наделных и частновладельческих земель за время столыпинской реформы составляли лишь 10% по отношению к наделным землям (4 млн дес. наделных и 9,6% млн дес. частновладельческих земель при 139 млн дес. наделных земель).

Таким образом, с одной стороны, самодержавие стремилось насадить в деревне слой самостоятельных крестьян-предпринимателей, а, с другой, — выдвигая на первый план интересы помещиков, оно мало содействовало этому процессу. Ставка делалась на то, что распад общины приведет к концентрации состоятельными крестьянами в своих руках материальных, и прежде всего земельных, ресурсов деревни.

Этой же цели, а также разрядке социального напряжения в деревне служила и политика переселения крестьян за пределы Европейской России. Итоги этого процесса хорошо известны. Напомним лишь, что в 1880—1895 гг. в восточные районы страны переселилось 461,7 тыс. человек, в 1896—1905 гг. — 1075,9 тыс. чел.,

¹ Дубровский С.М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963. С. 199—200.

² Першин П.Н. Участковые землепользование в России. М., 1922. С. 46—47.

³ Дубровский С.М. Указ. соч. С. 361.

⁴ Батурицкий А.А. Аграрная политика царского правительства и крестьянский поземельный банк. М., 1925. С. 127—131.

а в 1906—1911 гг. — 3078,9 тыс. Около пятой части (18,0%) переселившихся в период 1896—1916 гг. вернулись обратно. При этом и переселенческое движение достигло своего максимума в 1907—1909 гг. после чего начался его спад¹.

Таковы основные направления и итоги столыпинской аграрной реформы. Со всей очевидностью эти итоги свидетельствуют о том, что столыпинская аграрная реформа в целом провалилась еще до первой мировой войны. Поэтому безосновательны всякие утверждения о том, что для успеха реформы, а следовательно, и для торжества в России порядка, установившихся в Западной Европе, не хватало мирного времени.

Посмотрим теперь, каково было непосредственное воздействие столыпинской реформы на общий ход аграрного развития.

Конечные результаты воздействия столыпинской реформы на развитие сельскохозяйственного производства отражаются в его состоянии. Выше уже говорилось о его существенном прогрессе в конце XIX — начале XX вв. Что же дала для этого прогресса столыпинская аграрная реформа?

Обобщенным показателем успехов в развитии сельскохозяйственного производства являются данные об объеме производимой продукции (см. табл. 1).

Таблица 1

Динамика сборов хлебов и картофеля в Европейской России*

	1870-е гг.	1880-е гг.	1890-е гг.	1990-1905 гг.	1909—1913 гг.
Валовые сборы (млн. четвертей в год)					
Зерновые	243,4	284,2	335,5	381,2	395,5
Картофель	40,8	49,8	96,4	118,8	168,2
Всего с пересчетом картофеля на зерно	257,0	300,8	367,6	420,8	451,6
В % к предыдущему периоду		117,0	122,2	114,5	107,3
Среднегодовой прирост в %		1,70	2,22	2,41	1,46

* Нифонтов А.С. Зерновое производство России во второй половине XIX века (данные за 70—90 гг.); Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год 10-й (Данные по началу XX в.). Подсчеты наши. Одна четверть равна примерно 0,13 тонны (или 130 кг).

Валовые сборы сельскохозяйственной продукции в 1909—1913 гг., т.е. в разгар столыпинской реформы, возросли сравнительно с началом века, незначительно (всего на 7,3%). Среднегодовой же прирост этих сборов заметно снизился (до 1,46% против 2,41%). Поэтому утверждения о росте сбора хлебов в период реформы в два раза² являются чистейшим вымыслом.

Столь же беспочвенны и утверждения о процветании сельскохозяйственного производства в период столыпинщины на том основании, что Россия экспортировала много хлеба. Да, действительно вывоз был большим. Так, в 1909—1913 гг. вывозилось в год 724,4 тыс. пудов (или примерно 90 млн четвертей)³, что состав-

¹ Дубровский С.М. Указ. работа. С. 390—391.

² См.: Огонек. 1989. № 45. С. 12.

³ Лященко П.И. Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства. М., 1927. С. 311.

ляло более пятой части сбора зерновых культур в это время. Но громадный вывоз был обусловлен не наличием излишков хлеба сравнительно с внутренней потребностью. Об этом говорит тот факт, что в России в начале XX в. сравнительно с ее основными конкурентами по экспорту хлебов сборы хлебов в расчете на душу населения были в два раза меньше, чем в США, в два с половиной раза меньше, чем в Аргентине и в три раза меньше, чем в Канаде¹.

Огромный вывоз, достигший в период реформы максимальных объемов, безусловно понижал потребление хлеба подавляющей частью крестьян, т.е. ухудшал их положение. Интенсивный экспорт хлеба был обусловлен тем, что его вывоз был основным источником поступления валюты. В тот же период 1909—1913 гг. экспорт хлеба давал ежегодно более 650 млн руб. За 14 предвоенных лет экспорт дал 7,3 миллиарда руб.² И хотя продавался хлеб, произведенный прежде всего крестьянством, маловероятно, что значительная часть этой огромной суммы валютных поступлений доставалась крестьянству.

Наконец о результатах главной цели реформы, а именно, радикальном изменении социальной структуры деревни путем насаждения мощного слоя состоятельных индивидуальных собственников, ведущих предпринимательское рыночное хозяйство.

Обобщенным показателем здесь могут быть сведения об изменении соотношения в деревне различных слоев крестьянства. В таблице 2 указано соотношение этих слоев по данным об обеспеченности лошадьми.

В целом процесс социального расслоения деревни характеризовался преимущественным выделением в деревне Нечерноземной и Среднечерноземной полосы пролетарских и полупролетарских слоев, а в Прибалтийском и особенно Южном — обуржуазившихся слоев деревни. При этом не обнаруживается расширения слоя зажиточного крестьянства под воздействием столыпинской реформы.

Однако соотношение дворов различной хозяйственной состоятельности не отражает их веса в экономике деревни. Применительно к земледельческому производству достаточно точное представление об этом весе дает распределение по группам хозяйств рабочего скота. Имеющиеся данные показывают, что доля зажиточных слоев в земледельческом производстве примерно равнялась принадлежавшей им доли лошадей³. В целом по Европейской России эта последняя сократилась с 38,1% в 1888/1891 гг. до 32,2% в 1899/1900 гг. и до 26,0% в 1912 г. Земледелие в плане его социальной базы все в большей мере основывалось на середняцко-бедняцких слоях деревни. Столыпинская реформа не только не прервала эту тенденцию, но в начале XX в. она стала еще более яркой. Наиболее устойчивой роль состоятельного крестьянства в экономике деревни была в Степном районе. Кроме того это был единственный район, где на долю зажиточного слоя деревни в течение всего рассматриваемого периода приходилось более половины производства в земледелии. Определенную роль в этом сыграла и столыпинская реформа. Но в целом зажиточные крестьяне не только не превратились в определяющую экономическую и социальную силу в деревне, как замышлялось, но их роль даже заметно уменьшилась. Значит еще до первой мировой войны в своем главном аспекте реформа не достигла цели. Ход проведения реформы в жизнь полностью подтверждает сделанное выше на основе анализа общих условий и тенденций аграрного развития заключение о невозможности победы в России буржуазно-консервативного, помещичьего типа аграрного капитализма не только

¹ Ляшенко П.И. История народного хозяйства СССР. Том II. Капитализм. М., 1950. С. 380.

² Ляшенко П.И. Русское зерновое хозяйство. С. 312—313.

³ См., например: В.И. Ленин. Развитие капитализма в России // Поли. собр. соч. Т. 3. С. 122-123.

в форме непосредственного господства помещичьего хозяйства, но и в форме союза помещиков и состоятельных индивидуальных земельных собственников-крестьян. Достаточно обширный слой предполагалось создать в результате ликвидации общины, передачи наделных земель в личную собственность и быстрой их концентрации в руках зажиточных крестьян. Но нежелание основной массы крестьян выходить из общины и общая малочисленность зажиточной прослойки в деревне сделали невозможным утверждение и указанного варианта помещичьего капитализма.

Таблица 2

Соотношение в Европейской России различных слоев крестьянства*

Показатели	Губернии				Европейская Россия (47 губ.)
	Нечерноземные (23 губ.)	Среднечерноземные (15 губ.)	Степные (6 губ.)	Прибалтийские (3 губ.)	
1	2	3	4	5	6
1888-1891 гг.					
Всего дворов, тыс. в %	4376,3	4163,8	1084,1	207,7	9831,9
безлошадных	20,6	34,9	28,9	11,0	27,2
с 1 лошастью	36,6	23,0	16,4	33,8	28,6
с 2 - " -	23,4	21,8	23,7	22,8	22,7
с 3 - " -	11,4	10,2	10,0	16,1	10,8
с 4 и более	8,4	10,1	21,0	16,3	10,7
1899-1900 гг.					
Всего дворов, тыс. в %	4957,6	4685,5	1216,2	26,1	11119,4
безлошадных	23,9	36,6	25,2	17,9	29,3
с 1 лошастью	38,6	25,0	16,0	32,3	30,3
с 2 - " -	21,4	22,3	24,0	20,4	22,0
с 3 - " -	9,2	8,8	11,6	14,1	9,4
с 4 и более	6,9	7,3	23,2	15,3	9,0
1912 г.					
Всего дворов, тыс. в %	5905,3	5507,2	1482,0	231,4	13125,9
безлошадных	25,8	39,5	27,4	22,2	31,6
с 1 лошастью	41,9	25,9	16,1	33,8	32,2
с 2 - " -	21,0	22,4	26,2	22,6	22,2
с 3 - " -	6,9	7,4	10,6	11,5	7,6
с 4 и более	4,4	4,8	19,7	9,9	6,4

* Подсчет по: Военно-конская перепись. 1888 г. СПб., 1981; 1891. СПб., 1894; 1899—1900 гг. СПб., 1902; 1912 г. СПб., 1913 г. Исключены из-за неполных данных Архангельская и Астраханская губернии и Область Войска Донского.

Такое положение подтверждается еще одним аспектом анализа. Речь идет об имитации возможных изменений в социальной структуре деревни путем построения альтернативно-имитационной модели процесса. Суть этого моделирования состоит в выявлении хода развития при условиях, отличных от реально существовавших, но исторически допустимых. Подобные модели важны не тем, как нередко полагают, что они, рисуя иной ход процесса, могут быть основой для суждений о благоприятном или неблагоприятном ходе реального развития, а тем, что они позволяют более глубоко понять, почему реальный процесс был таким, а не иным.

Применительно к столыпинской реформе теоретически допустимы два варианта иного сравнительно с реальным ходом аграрного развития. Посмотрим, какова могла бы быть при этом социальная структура деревни.

В данном случае при моделировании был использован метод так называемых «марковских цепей». Суть его состоит в том, по имеющимся данным о соотношении различных групп объектов, относящимся к двум или более временным моментам, рассчитывается возможное соотношение этих групп на следующем временном рубеже¹. В таблице 3 приведены результаты соответствующих вычислений.

В плане подтверждения бесперспективности утверждения в России под воздействием столыпинской реформы буржуазно-консервативного варианта аграрного развития результаты имитационного моделирования превосходят всякие ожидания.

Начнем с прогноза о возможном соотношении разных групп дворов в 1912 г. при допущении того, что аграрное развитие в 1900—1912 гг. протекало бы при таких же условиях, которые существовали в конце XIX в. и зафиксированы в данных о соотношении дворов в 1900 г. Прогноз показывает, что в этом случае в 1912 г. повсеместно, во всех регионах и Европейской России в целом, доля беднейших дворов была бы заметно меньше, а зажиточных значительно больше, чем было в действительности.

Это значит, что давление на деревню, а суть столыпинской реформы сводилась именно к этому, давало лишь негативные результаты в изменении социальной структуры деревни. Говоря шире, полученные результаты свидетельствуют о том, что именно свободное развитие крестьянского хозяйства, т.е. буржуазно-демократический путь аграрной эволюции, мог привести к наиболее благоприятным экономическим и социальным результатам.

Таблица 3

Имитационная модель соотношения типов крестьянских хозяйств в Европейской России (в %)

Показатели	Губернии				
	нечерноземные	среднечерноземные	степные	прибалтийские	Европейская Россия
Фактическая доля дворов в 1912 г.:					
беднейшие	67,6	65,4	43,5	56,0	63,8
средние	27,9	29,8	36,8	34,1	29,8
зажиточные	4,4	4,8	19,7	9,9	6,4
Расчетная доля дворов (в %) в 1912 г.:					
беднейшие	65,6	63,1	38,6	48,8	59,6
средние	28,2	30,3	37,0	37,3	31,8
зажиточные	6,2	6,3	24,4	13,9	8,6
Расчетная доля дворов в начале 1920-х гг.:					
беднейшие	67,2	66,3	42,7	55,9	66,4
средние	29,1	29,4	37,6	37,3	28,0
зажиточные	3,7	4,3	19,7	6,8	5,5

* Доля дворов за 1888, 1900, 1912 гг. указана в табл. 4. К беднейшим отнесены безлошадные и однолошадные дворы, к средним — с 2 и 3 лошадьми, к зажиточным — с 4 и более.

¹ Соответствующая обработка материалов военно-конских переписей на ЭВМ была проведена в Московском университете Л.И. Бородкиным, которому автор выражает свою благодарность.

Второй прогноз направлен на выявление того, какой могла бы быть социальная структура деревни в начале 20-х годов сравнительно с 1912 г., если бы в это время в аграрном развитии сохранились условия 1900—1912 г., т.е. если бы для реализации столыпинской реформы было больше мирного времени. Прогноз показывает, что и в подобной контрфактической ситуации, идеальной с позиций некоторых современных ученых, не удалось бы добиться достижения социальных целей, преследуемых реформой, а именно утверждения господства в деревне состоятельного слоя крестьян. Повсеместно расчетная доля зажиточных дворов оказалась значительно меньшей, чем эта доля была в 1912 г. Процесс осередничивания и обеднения деревни мог стать еще большим, чем он был в 1912 г.

В целом рассматриваемый прогноз показывает несостоятельность суждений тех, кто полагает, что столыпинская реформа при иных условиях ее проведения могла бы обеспечить аграрный прогресс и тем самым предотвратить Октябрьскую революцию.

Таковы реальные итоги аграрного развития в период столыпинской реформы и ее исчисленные альтернативные результаты.

* * *

Таким образом, проведенный анализ показывает, что столыпинская аграрная реформа в своем основном существе провалилась еще до первой мировой войны. А это значит, что ходом исторического развития была снята возможность победы «прусского», буржуазно-помещичьего варианта аграрного капитализма. Оставалась вроде бы лишь возможность победы «американского», крестьянского типа аграрного капитализма. Однако и здесь ход исторического развития привел к ситуации, когда уже в силу социально-политических причин, победа и этого типа становилась невозможной.

Для торжества крестьянского пути буржуазной аграрной эволюции необходимо было устранение крепостнических пережитков и прежде всего ликвидации помещичьего землевладения. Но ликвидировать в начале XX в. полуфеодалное помещичье землевладение, преимущественно дворянское по своей сословной принадлежности (примерно 70% частновладельческих земель принадлежало дворянам), было невозможно, как указывалось, не покушаясь на, хотя бы частично, буржуазную собственность вообще.

Невозможность ликвидации полукрепостнических пережитков на основе сохранения буржуазного строя стала особенно очевидной в годы первой мировой войны. Война гигантски ускорила развитие капитализма, окончательно и неразрывно слила это развитие с сохранением феодальных пережитков. Это и было причиной того, что февральская революция 1917 г., при всем ее радикализме в сфере социально-политической, не привела к решению аграрного вопроса. Решить этот вопрос, как и вообще преодолеть кризис, в котором оказались страна в результате войны, было невозможно «не покидая почвы буржуазных отношений»¹. Так ход исторического развития страны привел к необходимости всенародной демократической революции под руководством пролетариата. Ликвидировав частную собственность и осуществив национализацию земли, т.е. решив буржуазно-демократическую задачу, революция вместе с тем открывала путь для движения к социализму.

Тем самым противоречие между настоятельной необходимостью ликвидации помещичьего землевладения, основного феодального пережитка и тормоза всего социально-экономического прогресса и невозможность решения этой задачи в

буржуазных условиях было важнейшей, можно даже сказать основной, исторической предпосылкой социалистической революции в России.

Особенности аграрной эволюции обусловили и ряд других черт в историческом развитии страны. Одна из них состояла в том, что невозможность ликвидации помещичьего землевладения без покушения на буржуазную собственность ослабляла, а то и вообще подрывала социально-экономические основы для компромисса с буржуазными слоями общества при проведении послереволюционных преобразований. А без таких компромиссов не обходилась ни одна революция, ибо они облегчали формирование новых экономических, социальных и других систем и структур. В нашей стране эти преобразования в донэповский период приобретали максималистскую антибуржуазную направленность, усиливаемую верой в скорую победу мировой пролетарской революции. Этим была обусловлена и та жестокость борьбы, которая имела место в гражданской войне и была присуща обоим борющимся сторонам. Сейчас много пишут и говорят о безнравственности этой жестокости. Но ее, во-первых, нельзя приписывать только одной стороне. Во-вторых, нельзя сводить причины, породившие ее, только к разного рода субъективным факторам. Она, как видим, имела и свои более глубокие корни.

Социалистическая революция в России была неизбежностью, порожденной особенностями ее исторического, прежде всего аграрного, развития. Но произошла она в стране, которая хотя и достигла общего среднего уровня развития капитализма, но оставалась страной аграрной, с общим уровнем производственно-экономического развития, не создававшего необходимых предпосылок для генезиса социалистической системы хозяйства на естественно-исторической основе, т.е. путем внутренней эволюции общественно-экономических укладов при адекватных взаимосвязях между ними. Этот генезис протекал при господстве предельно централизованных и насильственных методов «первоначального накопления», которые имели широкое распространение в эпоху генезиса и других общественно-экономических формаций. Основным источником «первоначального накопления» была деревня. Начальная стадия генезиса социализма фактически продолжается у нас до сих пор. Только сейчас намечается переход на естественно-исторический путь этого генезиса в плане социально-экономическом и демократический — в сфере социально-политической.

С учетом указанного и должен решаться вопрос о том, с каким социализмом мы имеем дело. Думается, что правомерно утверждать, что реально завершается лишь начальный этап генезиса социализма. Сам же истинный социализм еще впереди и, видимо, не так близко, как хотелось бы.

Разумеется, указанные особенности в историческом развитии, вытекающие из его характера в эпоху капитализма, требуют специального исторического исследования. В данном случае мы лишь обращаем внимание на некоторые из них.